

Проф. М. Н. ЕРШОВ

Восток и Запад - Прежде и Теперь

Основные предпосылки проблемы „Восток и Запад“ в историческом освещении.

East And West - Past And Present

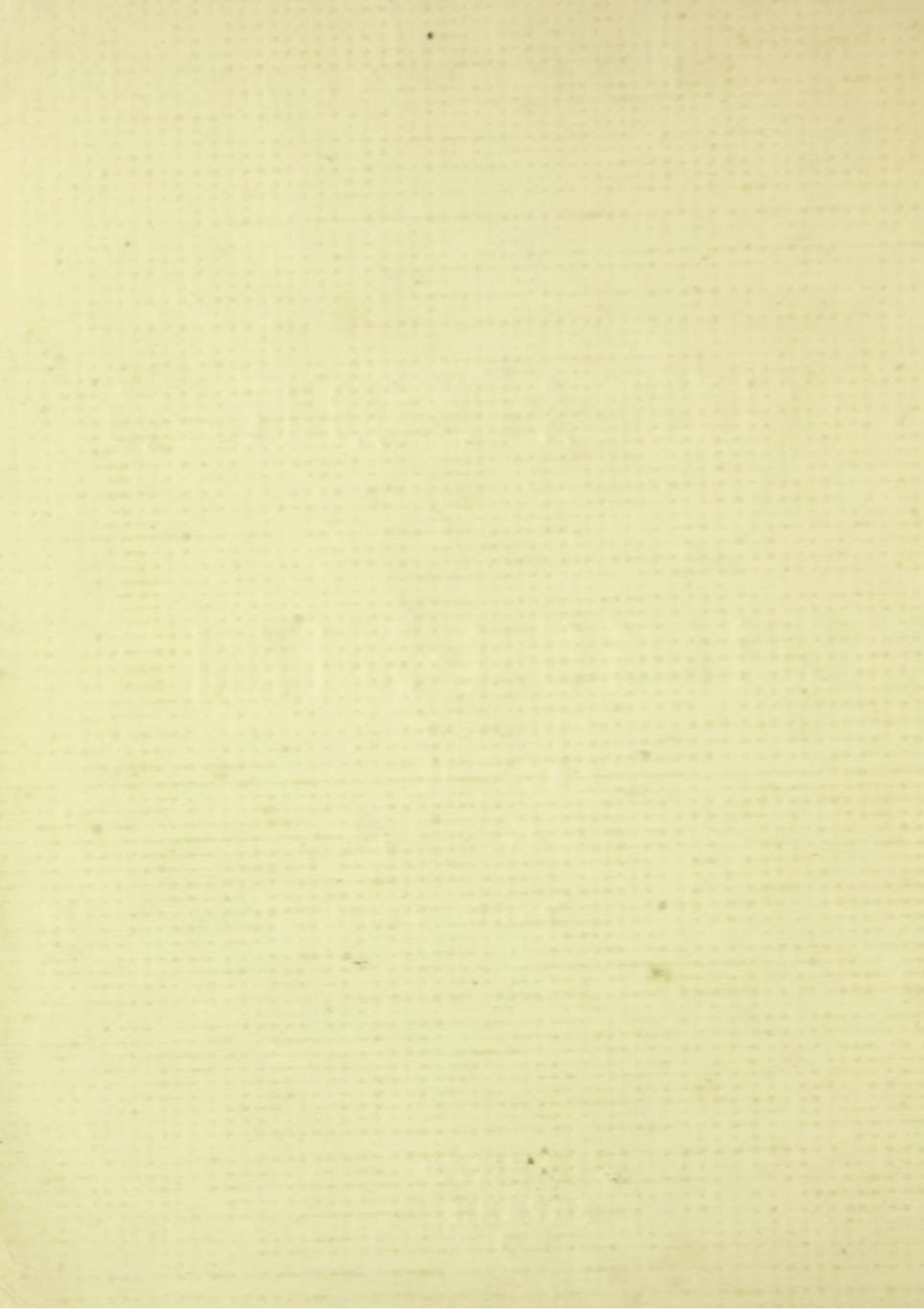
An Historical Study

By Professor M. N. ERSHOFF

„НАУКА“

ХАРБИН

1935

Много благодарю
Ваше письмо
и желаю
вам здоровья.

С уважением,
И. И. Гусев.

С. С. Сидоров,
№ 15, кв. 19.

Проф. М. Н. ЕРШОВ

63.3(0)-8
E80

ВОСТОК И ЗАПАД

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Основные предпосылки проблемы „Восток и Запад“ в историческом освещении.

ДАР
Л.С. ПОЛЕВОГО

„НАУКА“

ХАРБИН

1935

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

80575

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ВСЕ ПРАВА СОХРАНЯЮТСЯ
ЗА АВТОРОМ

Типография „ХУА-ФЫН“ Харбин, Школьная ул., № 9.

East And West - Past And Present

Some Principal Questions Dealing With
The Problem Concerning „East And West“

An Historical Study

By Professor M. N. ERSHOFF

(formerly of Kazan Government University, Far
Eastern Government University, Harbin Law
College and Harbin Polytechnic Institute)

HARBIN
1935

East And West - Past And Present

All rights in all languages reserved including that of translation

The Historical Study
By Professor A. H. ERSHOFF

Published by the University of Chicago Press
Chicago and London

UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
50 EAST LAKE STREET, CHICAGO, ILL. 60607
LONDON: ROUTLEDGE AND KEGAN PAUL, 11 BEDFORD SQUARE, W.C.1

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Предисловие	VII-VIII
I. ОСНОВНОЙ ХАРАКТЕР НАШЕЙ ЭПОХИ И „ПЕРЕОЦЕНКА“ ТРАДИЦИОННЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО — ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	VI 1
1. Успехи техники, как фактор сближения народов. 2. Крушение традиционной концепции мировой истории. 3. Тихий океан, как центр сплетения экономических интересов народов Азии, Европы и Америки. 4. Пути экономического и культурного сближения народов на Тихом океане. 5. Тихий океан и встреча рас. 6. Тихий океан и новейшие тенденции исторической науки.	
II. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ДРЕВНЕМ МИРЕ	17
1. Древняя Греция и страны Востока. 2. Условия зарождения и развития духовной культуры в древней Греции. 3. Элементы научных знаний и философских построений у народов древнего Востока. 4. Особенности развития рационального знания и философской мысли в древней Греции и у народов древнего Востока. 5. Конфуцианство и типические черты древне-китайской культуры. 6. Отсутствие „моста“ между Востоком и Западом в древнем мире.	
III. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В СРЕДНИЕ ВЕКА	33
1. Средние века и античная культура. 2. Пути развития Западной половины Рим-	

ской империи. 3. Пути развития Восточной половины Римской империи. 4. Страны и народы Восточной Азии в эпоху европейского средневековья. 5. Сравнительная характеристика западно-европейской схоластики и неоконфуцианства в Китае. 6. Расхождение путей умственного развития средневековой Европы, с одной стороны, и Китая эпохи европейского средневековья,—с другой.

IV. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В НОВОЕ ВРЕМЯ 51

1. Страны Востока и Запада под знаком эпохи нового времени. 2. Значение Возрождения и Реформации в хозяйственной и культурной жизни народов Западной Европы. 3. Новая наука и новое мировоззрение народов Зап. Европы. 4. Пути развития европейского торгового капитала и колониальная проблема. 5. Проблема взаимоотношения Востока и Запада в свете колониального развития европейских народов. 6. „Открытие Китая“ под углом зрения типических особенностей взаимоотношения стран Востока и Запада в новейшее время.

V. ВОСТОК И ЗАПАД КАК ПРОБЛЕМА НАШЕЙ ЭПОХИ 75

1. Крушение в XIX веке традиционной изоляции стран Восточной Азии от стран и народов европейской культуры. 2. Судьбы старой восточно-азиатской культуры в век техники и индустрии. 3. Обострение борьбы двух культур в современном Китае. 4. Техника, индустриализация и народы Восточной Азии. 5. Тихоокеанский вопрос и проблема взаимоотношения Востока и Запада.

Примечания 95

CONTENTS

	Page
<u>Author's Preface</u>	IX-X
I. <u>Principal Features of the Present Epoch and „the Revaluation“ of Traditional Ideas in Geography and Cultural History</u>	1
1. Present-day technical progress as a constituting factor of the binding of nations. 2. Decline of traditional conceptions in history. 3. The Pacific Ocean as being a centre, where economic interests of Asiatic, European and American peoples have met. 4. Means and ways of economic and cultural binding of nations on Pacific Ocean. 5. The Pacific Ocean and racial problem. 6. The Pacific Ocean and modern trends in history.	
II. <u>The Problem of Mutual Relationship between East and West in Ancient Times</u>	17
1. Hellas and the ancient East. 2. Conditions of intellectual culture in Hellas: its origin and development. 3. Elements of scientific knowledge and philosophical conceptions among nations of the ancient East. 4. Characteristic features of development of rational knowledge and philosophical thought in Hellas and among nations of the East in ancient times. 5. Confucianism and typical features of the Chinese culture in ancient times. 6. Absence of „bridge“ between East and West in ancient times.	

(IV)

	Page
III. <u>The Problem of Mutual Relationship between East and West in Mediaeval Times</u>	33
1. Mediaeval times and culture of the Ancient World. 2. Ways of development of Western part of Roman Empire. 3. Ways of development of Eastern part of Roman Empire. 4. Countries and peoples of Eastern Asia during the epoch of European mediaeval times. 5. Comparative characteristics of European scholasticism and Neo-Confucianism in China. 6. Divergence of ways of intellectual development in mediaeval Europe, as opposed to that in China.	
IV. <u>The Problem of Mutual Relationship between East and West in Modern Times</u>	57
1. Countries of East and West and inception of Modern Europe. 2. Influence of Renaissance and Reformation upon economic and cultural life of European nations. 3. New science and new philosophy in Europe. 4. Ways of development of European trading capital and colonial problem. 5. Problem of mutual relationship between East and West and conditions of colonial development of European nations. 6. „Discovery of China“ and typical features of mutual relationship between countries of East and West in modern times	
V. <u>„East and West“ as a Problem of To-Day</u>	75
1. Breaking up of traditional isolation of countries of Eastern Asia. 2. Epoch of technical progress and industrial development and present status of the old Eastern Asiatic culture. 3. Two cultures existing in present-day China and their sharp antagonism. 4. Influence of modern technical progress and modern indust-	

rialization upon nations of Eastern Asia. 5 The
Pacific Ocean problem and problem dealing
with mutual relationship between East and West.

Supplementary References 95

relation upon nature of factors that the
factor Green program and economic health
and nature of scientific data for the world

Developmental Relations

The following text is extremely faint and illegible. It appears to be a multi-paragraph document discussing developmental relations, possibly covering topics like economic health, scientific data, and the Green program mentioned in the header. The text is too light to transcribe accurately.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Наша эпоха заостряет в сознании современного человечества целый ряд проблем актуального значения. Чрезвычайное разнообразие путей связи в сфере международного общения, облегчая развитие мировой торговли и международных отношений, вместе с тем выдвигает в наше время вопрос о культурном сближении народов живших на протяжении ряда столетий, а в некоторых случаях—даже тысячелетий, в глубоко различных условиях в смысле географического расположения тех или других стран, в смысле наличия больших различий в области своей хозяйственной деятельности и культурной жизни. Понятное, под углом зрения широкой исторической перспективы, издавна образовавшееся противопоставление Востока и Запада в нашу эпоху неизбежно должно подвергнуться пересмотру, критике и снятию, ввиду наличия новых условий для экономических и международных взаимоотношений народов.

В век техники и индустрии нет места для того, чтобы можно было оставаться на позициях традиционного, весьма устарелого для настоящего времени, исторического мировоззрения с его антитезой, противопоставлением Востока и Запада: на авансцену мировой истории выходят новые народы, связанные в своей исторической жизни и хозяйственной деятельности с бассейном Тихого океана. Магистраль истории в нашу эпоху перемещается с берегов Атлантического океана на берега Тихого океана. Это и значит, что традиционное, искони установившееся противопоставление Востока и Запада ныне теряет всякую свою состоятельность, если когда-либо такого рода противопоставление даже и имело для себя какое—либо основание.

Автор поставил своею целью наметить схему исторического ориентирования в сложной проблеме взаимоотношения стран Востока и Запада. Отсюда центр тяжести настоящей работы не в разрешении, как таковой, проблемы „Восток и Запад“, но в историческом выяснении условий образования этой проблемы в сознании народов Европы и Азии и в истолковании тех факторов экономического и культурно—исторического порядка, которые содействовали и должны содействовать снятию в сознании современных народов европейской и не—европейской культуры противопоставления Востока и Запада.

По техническим условиям печатания, автор был вынужден часть цитат выделить, обозначив их цифрами в последовательном порядке, и поместить отдельно в виде „Примечаний“.

Автор.

Харбин.
8 апреля 1935 г.

AUTHOR'S PREFACE

There are some problems of significant meaning to be emphasized in the characteristics of our epoch. Enormous varieties of communications in international life, assisting in the development of world trade and international relations, simultaneously call into discussion the present time question dealing with the cultural connection between the nations that existed for several centuries, and in some cases—millenniums, under very different conditions concerning geographical disposition of some countries and considerable differences as to their economic activities and cultural life. As understood from a wide historical viewpoint, the antithesis of the East and West, constituted a very long time ago, should, at the present time, be necessarily submitted to revision, criticism and elimination due to new conditions of economic and international mutual relationship arising between nations.

In our epoch of technical progress and industrial development there is no room for upholding antiquated, traditional historical conceptions dealing with the antithesis of the East and West: in the front rank of world history there have appeared new nations, connected in their historical life and economic activities with the Pacific Ocean area. The leading line of history in the present epoch is gradually being shifted from the Atlantic Ocean area to that of the Pacific. This circumstance signifies, that the traditional antithesis of the East and West, constituted a very long time ago, has, at the present time, lost its former bearing, if such an antithesis ever had any reason.

The author desires to set forth in these pages a scheme of some historical orientation

(X)

in the complicated problem of mutual relationship between countries of the East and West. Consequently, the centre of gravity of his study is not a solution of the problem of relationship between East and West, but a historical explanation, discussing conditions of the origin of this problem as viewed by European and Asiatic peoples; the scope of this work, moreover, is a discussion of economic and cultural trend in history that served to assist in the elimination of antithesis of East and West in the mind of present-day peoples of European and non-European culture.

Prof. M. N. Ershoff.

Harbin.
April 8, 1935.

I.

ОСНОВНОЙ ХАРАКТЕР НАШЕЙ ЭПОХИ И „ПЕРЕОЦЕНКА“ ТРАДИЦИОННЫХ ГЕОГРА- ФИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ.

1. Успехи техники, как фактор сближения народов. 2. Крушение традиционной концепции мировой истории. 3. Тихий океан, как центр сплетения экономических интересов народов Азии, Европы и Америки. 4. Пути экономического и культурного сближения народов на Тихом океане. 5. Тихий океан и встреча рас. 6. Тихий океан и новейшие тенденции исторической науки.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И РЕШЕНИЯ
ТЕОРИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА
КОЛЛЕКЦИЯ

1. Введение. Основные понятия и определения.
2. Пределы. Предел функции. Предел функции в точке.
3. Предел функции в бесконечности. Предел функции в бесконечности.
4. Предел функции в бесконечности. Предел функции в бесконечности.
5. Предел функции в бесконечности. Предел функции в бесконечности.
6. Предел функции в бесконечности. Предел функции в бесконечности.

1. Значительность нашей эпохи определяется не только крупными сдвигами в области хозяйственных и социальных отношений среди народов европейской культуры, но также и повышенным интересом этих народов к историческим судьбам и хозяйственным возможностям стран и народов Азии. На наших глазах происходит глубокий переворот, если можно так выразиться, в географическом мировоззрении не только специалистов—ученых, но даже и среднего европейца. Пекин, Токио, Шанхай, Осака, Нанкин, Кантон, Харбин, Кобе становятся даже для среднего европейца такими же легко усвояемыми географическими понятиями, как, например, Париж, Москва, Лондон, Рим, Берлин, Нью-Йорк.

Это сближение географически — удаленных друг от друга пунктов, помимо общих факторов экономического порядка, в наше время поддерживается в общем сознании широких кругов населения европейских стран особенно теми успехами, которые характеризуют современное воздухоплавание. Созревшие „короли“ и „королевы“ воздуха смело снимают те преграды, которые прежде стояли на путях взаимообщения отдельных народов, отделенных друг от друга океанами, горными цепями и пустынями, непроходимыми девственными лесами.

В то же время нельзя не признать весьма значительным тот факт, что после-военная эпоха является свидетельницей пробуждения к новой жизни таких народностей, особенно на территории СССР, которые прежде были известны в буквальном смысле слова, как только чисто—географические наименования, вне всякого представления о хозяйственном и культурно-

бытовом укладе их жизни. А на ряду с этим, не менее показательным следует признать также и тот факт, что бывшие „привилегии“ главенствующих европейских наций в области хозяйственной, политической и культурной жизни постепенно отходят в область прошлого. Тиски мировой экономической депрессии, как одно из последствий империалистической войны, острый характер национальных противоречий и конфликтов в послевоенную эпоху и общий надлом европейской культуры, с одной стороны, чрезвычайное облегчение, на ряду с современным интенсивным ростом техники, путей связи железнодорожных, морских, воздушных, автосвязи, связи телеграфной, телефонной, радио-связи,—с другой—все это такого рода факторы, которые радикальным образом изменяют традиционное представление о „близости“ и „дальности“ расстояний в большом масштабе, о различии и превосходстве одних народов над другими, одной культуры над другой.

2.—Словом, для каждого вдумчивого наблюдателя современной действительности совершенно очевиден тот факт, что жизнь народов не только Европы, но и других стран света, вступила в некоторую новую фазу своего исторического развития, как прямое следствие необычайно крупных социально-экономических и политических сдвигов, связанных, с одной стороны, с империалистической войною, а с другой—с общим, колоссальным ростом техники и индустрии. Нет ничего удивительного в том, что это чрезвычайно заостряет в современном сознании кардинальную проблему истории и практической жизни—проблему Востока и Запада. Дело в том, что отмеченный нами общий характер современной эпохи, в частности, не мог не наложить отпечатка на те страны и народы Восточной Азии, которые до начала XX века представляли собою своего рода „малоизвестные участки“ всеобщей истории и политической географии. И это последнее можно сказать не только в отношении Индии, Монголии, Кореи, но также в отношении Китая и даже Японии.

Восток и Запад — это такое противоположение, такая антитеза, которая пронизывает насквозь всю установившуюся концепцию всеобщей истории. Общепринято говорить о „мистическом“ Востоке и „трезвом“ Западе, общепринято считать, что все важнейшие исторические события и крупнейшие исторические деятели тесно связаны с жизнью Запада. Наконец, традиционное, общераспространенное деление (правда, в условном смысле) всеобщей истории на древнюю, среднюю и новую всецело связано с историческим ходом жизни народов Запада. Какие могли быть основания для такого резкого различия и даже противопоставления Востока и Запада?

Основание—одно: узость географического кругозора исторически известных народов; расширение такого кругозора протекало и протекает постепенно, в зависимости от изменения форм хозяйственной и политической жизни народов и в особенности в связи с ростом техники. Это—с одной стороны. А с другой—горделивое представление европейских народов о своей культуре и цивилизации, как высшей культуре и цивилизации: европейские народы привыкли считать, что только Запад указал человечеству правильные и плодотворные пути развития во всех областях жизни. Как справедливо отмечает один современный историк Азии, общераспространенным является взгляд, согласно которому история имеет как бы „два лица“: одно лицо—обращенное к Западу, а другое—обращенное к Востоку. „Лицо, обращенное к Западу—полно смысла, движения, жизни. А лицо, обращенное к Востоку—покрыто дымкой тумана, мечтательности и характеризуется отсутствием всякой связи с тем миром, в котором мы живем“ (Herbert A. Gowen. Asia.—A short History from the earliest Times to the present Day. Boston. 1927, p. 5).

По общепринятой схеме, родиной европейской культуры признается древняя Греция. Отсюда прямая линия развития европейской культуры про-

водится чрез Рим и средние века к ново-европейским народам. Если взглянуть на эту схему, с современной точки зрения, то нельзя не видеть ее крайней узости и ограниченности. В эту схему вошли лишь исторически-известные страны и народы, которые были связаны в своей хозяйственной и политической жизни со Средиземным морем и Атлантическим океаном. Другими словами, это—только Европа (преимущественно Западная половина ее), Север Африки и Передняя Азия. История же всех других стран и народов Азии, Америки и Австралии чрезвычайно слабо увязана с упомянутой исторической схемой. Между тем, приблизительно со времени эпохи Наполеоновских войн постепенно в орбиту общего хода истории стали включаться все другие страны, помимо стран, расположенных в бассейне Средиземного моря и Атлантического океана: среди новых великих путей хозяйственных связей народов особенно большое значение стал приобретать Тихий океан.

3.—Нанкинский договор 1842 года между Англией и Китаем и начавшаяся в пятидесятых годах прошлого столетия разработка Калифорнийских и Австралийских рудников—вот те начальные даты, которые определенным образом характеризуют факт включения бассейна Тихого океана в общий ход мировой истории. Это—те даты, со времени которых по необ'ятным водным пространствам Тихого океана начались оживленные торговые сношения. Таким путем перекинут был мост для более близкого торгового и международного общения стран Востока и Запада. На Тихом океане, как в свое время на Атлантическом океане, стали обозначаться новые центры торговой и политической жизни, которые, как новые слагаемые, стали включаться в общую сумму основных моментов хозяйственного и политического развития новейшего времени.

Что же стало характеризовать „новый лик“ Тихого океана? Это—освоение русскими дальневосточной окраины Северо-восточной Азии, быстрое развитие американского Запада (штаты, прилегающие к Тихому океану),

„открытие“ для международной торговли и нормальных, в соответствии с действующими нормами права, международных отношений таких крупных стран Восточной Азии, как Китай (1842 г.) и Япония (1853 г.).

Таковы начальные пути установления более тесного сближения народов Запада и Востока. События мировой истории второй половины XIX века неуклонно шли под знаком усиленного роста значения Тихого океана в торговых и международных взаимоотношениях. Достаточно здесь отметить три основных события, сыгравших особенно значительную роль в этом поступательном движении Тихого океана на авансцену мировой истории: 1) китайско-японскую войну 1894 года, 2) русско-японскую войну 1904—5 г. г. и 3) европейскую войну 1914—1918 г. г. Таким путем за последние полвека Тихий океан постепенно сделался центром сплетения экономических интересов народов Азии, Европы и Америки. Это значит, что ход событий мировой истории вступил в новую фазу своего развития—эру Тихого океана. На смену речным культурам древнего мира—Нильской, Месопотамской, Ганга и Инда, Хуан-хэ, на смену культурам Средиземноморской и Атлантической нового времени наступает эпоха новейшей культуры—Тихоокеанской.

До самого последнего времени, пока не наступила эпоха активизации экономических сил на Тихом океане, не было и не могло быть речи о путях тесного сближения Востока и Запада. Как известно, несколько веков тому назад крупную роль в истории европейской культуры сыграли эпоха Возрождения и эпоха великих открытий и изобретений, направившие дальнейшее развитие европейской культуры по совершенно новому руслу, глубоко отличному от эпохи средних веков. Неменьшую, если только не большую, роль должна сыграть в мировой истории и наступившая Тихоокеанская эра. Помимо включения в общую схему мировой истории целого ряда тихоокеанских стран и народов, прежде отличавшихся самозамкнутостью в хо-

де своей исторической жизни (Китай и Япония), можно говорить также о тихоокеанской ориентации современных крупнейших государств и народов европейской культуры.

4.—О тихоокеанской ориентации можно говорить в отношении следующих государств: САСШ, Англии, Франции, Голландии, Италии. Эта тихоокеанская ориентация империалистических государств Европы и Америки свое выражение находит, прежде всего, в их борьбе за тихоокеанские рынки. Означенная борьба началась не со вчерашнего дня: она связана с колониальным развитием в новое время целого ряда государств европейской культуры. Обострение этой борьбы особенно отмечает после-военную эпоху. Мировая война, в которой принимали участие почти все европейские народы, оказала колоссальное влияние не только на страны Европы, но и на тихоокеанские страны. Так, например, один японский автор говорит, что „последствия этой войны для Японии имели гораздо более важное значение, чем последствия какого-либо другого события как в ее прошлом, так и в настоящем“ (Ushisaburo Kobayashi. The Basic Industries and Social History of Japan 1914-1918. New Haven. 1930, p. XI).

Равным образом, изменения, внесенные в мировую экономику империалистической войной, значительно отразились также и на экономическом положении САСШ: рост индустрии и непомерное накопление золотого запаса, как прямое следствие империалистической войны, толкают САСШ на путь торговой экспансии на азиатский материк. Здесь достаточно отметить факт сооружения Панамского канала (окончательно открытого для движения судов в 1920 г.), обошедшегося САСШ более чем в полмиллиарда рублей. Помимо интересов стратегического характера, в сооружении Панамского канала выявилась двоякая цель САСШ: установление дешевого морского пути между западной (промышленной) и восточной частью Соед.

Штатов, с одной стороны, и дешевого, более близкого морского пути между восточными промышленными штатами Сев. Америки и Дальневосточными рынками,— с другой. Наконец, нельзя не отметить глубокую заинтересованность в тихоокеанских рынках крупнейшей колониальной империи в наше время—Британской империи: усиленный ход постройки Сингапурской военно-морской базы служит наглядным показателем тихоокеанской ориентации Англии. *)

Здесь нельзя не отметить далее, что тихоокеанская ориентация капиталистических стран Европы и Америки свое выражение находит не только в борьбе за тихоокеанские рынки, но также и в общем усилении международных связей стран и народов Тихого океана. Показателем современных тенденций последнего порядка служит целый ряд международных учреждений всетихоокеанского масштаба. Задача этих учреждений—выявлять и обосновывать свои тихоокеанские интересы и нужды, организовывать их представительство и защиту. Совершенно новым, например, следует признать тот факт, что за последние десять — пятнадцать лет устраиваются всетихоокеанские экономические и научные конгрессы, конференции, с'езды и совещания, посвященные обсуждению наиболее актуальных вопросов экономики, науки и жизни народов, живущих в странах Тихого океана.

Среди такого рода учреждений необходимо, например, отметить следующие: Всетихоокеанский союз, Всетихоокеанский исследовательский институт, Институт по изучению тихоокеанских взаимоотношений. Особенно большую активность в своей деятельности проявляет Институт по изучению тихоокеанских взаимоотношений. В частности, еще на конференции означенного Института, имевшей место в Шанхае в 1931 г., было

*) См. наши статьи: „Современный Китай и Европейская культура“. Известия Юридического Факультета. Харбин 1931, том IX; „Новый Дальний Восток“. Вестник китайского права. Харбин 1931, сборник второй.

единогласно решено пригласить СССР принять участие в работах Института. В связи с этим, здесь нельзя не отметить, что летом 1934 г. в Москве организовался Тихоокеанский институт СССР, который вынес постановление войти, в качестве филиала, в состав Института по изучению тихоокеанских взаимоотношений, на ряду с другими, уже существующими национальными тихоокеанскими институтами: САСШ, Японии, Китая, Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Филиппин.

По словам Войтинского, вице президента вновь организованного Тихоокеанского института СССР, уже приступлено к изданию журнала „Тихий океан“ (будет выходит раз в квартал), посвященного вопросам тихоокеанской проблемы. А на очередной, 5-ой конференции Института по изучению тихоокеанских взаимоотношений, созываемой в 1935 г. в Гонолулу, на повестке дня, говорит Войтинский, стоит „несколько вопросов о так называемых „великих экспериментах“. Первый вопрос—это наша первая пятилетка, второй— „политика восстановления“, проводимая сейчас в Сев. Америке“ (см. газету „Новости Востока“. Харбин, 25 сентября 1934 г., а также заметку в „научной хронике“ журнала „Вестник Маньчжурии“. Харбин, 1934 г. № 11-12, стр. 114).

Показателем актуальности вопросов, разрабатываемых вышеуказанными всетихоокеанскими учреждениями, международными по своей структуре и организации, служит тот факт, что деятельность их вызвала к бытию не только огромную литературу на разнообразных языках по тихоокеанскому вопросу, но и целый ряд периодических изданий. Эти периодические издания ставят своею целью, на ряду с публикацией статей исследовательского характера, помещать информацию о работе упомянутых выше всетихоокеанских учреждений и организаций и содействовать пробуждению интереса к различным сторонам жизни тихоокеанских народов и стран. Таковы, например, издания:

„Pacific Affairs“ (ежемесячный журнал прежде, теперь трехмесячник, Гонолулу на Гавайях), „Mid-Pacific Magazine“ (ежемесячник, Гонолулу на Гавайях), „Pan-Pacific Progress“ (ежемесячник, Калифорния, САСШ), „Bulletin of the Pan—Pacific Union“ (Гонолулу на Гавайях).

5.—Активизация международных связей и отношений среди стран и народов Тихого океана сталкивается с весьма существенной проблемой в жизни означенных стран и народов—с расовой проблемой. Достаточно одного поверхностного взгляда на карту Тихого океана, чтобы видеть, что громадное большинство населения тихоокеанского бассейна принадлежит к желтой расе. В связи с этим и наблюдается заострение расовой проблемы на Тихом океане. Если феодальная эпоха в Европе укоренила представление о „кости белой“ и „кости черной“, в смысле противопоставления дворянства другим сословиями и особенно крестьянству, то англо-саксонская раса, этот наиболее активный колонизирующий элемент в бассейне Тихого океана, создала резкое противоположение (чрезвычайно основательно укрепившееся среди большинства европейцев в практической жизни) „белого“ человека человеку „желтому“. В самом деле, острота расового вопроса в тихоокеанских странах поддерживалась и в настоящее время поддерживается, главным образом, САСШ и Англией (1).

В частности, основным двигателем внутренней политики САСШ является забота о создании особой, американской нации (2). Отсюда исконное несправедливое отношение в Соед. Штатах к неграм, как представителям черной расы. Отсюда, наконец, запретительный иммиграционный закон Соед. Штатов от 1924 г. в отношении японцев и китайцев. Расовые предрассудки, господствующие в Соед. Штатах, тяжело отражаются на социальном положении даже тех китайцев и японцев, которые получили американское образование и родились в САСШ (1-ое и 2-е поколения).

Вот, например, выдержка из отчета администра-

ции одного из лучших университетов американского тихоокеанского побережья—Stanford University (Калифорния): „Почти невозможно, говорится в этом отчете, определить китайца или японца первого или второго поколения на какую-либо службу в качестве инженера, знатока мануфактурного дела, или вообще делового человека. Многие фирмы имеют специальные правила против найма их; другие возражают против них на том основании, что прочие служащие фирмы отказываются работать вместе с ними. Совсем недавно один китаец, окончивший Stanford University, воспитывавшийся вместе с детьми профессоров, в совершенстве владеющий английским языком, вполне американизированный, получил отказ от одной известной калифорнийской корпорации, так как она вообще не принимает к себе на службу никого из народов Дальнего Востока**). Равным образом, в отчете колледжа штата Вашингтон имеется, например, такого рода утверждение: „японец, или китаец, получивший инженерное образование, встречает большое затруднение в подыскании себе службы в Соед. Штатах независимо от того, родился ли он в этой стране, или нет“ (Ibidem).

Далее, следует отметить, что колониальная политика Англии на Тихом океане всецело проникнута идеей господствующего положения здесь белой расы в отношении желтой расы. Так, согласно иммиграционному закону, принятому парламентом Канады в 1923 г. и действующему до настоящего времени, китайцы фактически исключены из списка тех народов, которым разрешен въезд в Канаду. Рассматриваемый иммиграционный закон Канады от 1923 г., по словам одного китайского автора, закрывает в отношении китайцев доступ в Канаду „для лиц всех классов, включая сюда туристов, людей науки и учителей, которые случайно

*) E. G. M e a r s, Resident Orientals on the American Pacific Coast, Their Legal and Economic Status, Chicago, 1928, p. 200 (см. нашу библиографическую заметку об этой книге в журнале „Вестник Маньжурии“. Харбин, 1930 г. № 2).

окажутся по своему происхождению китайцами и потомками китайцев" (см. в шанхайском китайском еженедельнике, издав. на английском яз., — „The Chinese Nation" статью Н. Chang'a. „Канадский иммиграционный закон в отношении китайцев". The Chinese Nation, № 9, август 1931 г.).

В отношении же совсем слабо населенной Австралии у англичан создается определенное представление о „желтой опасности" для нее. В связи с этим, иммиграционные ограничения и запрещения, проводимые правительством Австралии, имеют свою определенную цель — сделать Австралию „белой" и не допустить, чтобы она стала „желтой". С точки зрения руководителей политики английского империализма, идея „белой" Австралии представляет собою не отвлеченную политическую теорию: это есть своего рода „евангелие" колониальной политики Англии на Тихом океане (см. трактование австралийской проблемы, например, у P. T. Etherton and H. Hessel Tiltman, The Pacific. A Forecast. Boston. 1928. p. p. 76-108; характеристика основных тенденций этой книги дана в нашей библиографической заметке в журнале „Вестник Маньчжурии". Харбин 1930 г., № 6).

В таких условиях обострение расового вопроса на Тихом океане, естественно, является сложным элементом в современных взаимоотношениях Востока и Запада. Однако нельзя не признать, что современное усиление всевозможных средств связи и путей сообщения между отдельными народами и странами совершенно определенно идет в разрез с традиционными расовыми предрассудками. К тому же, сближение Востока и Запада, в условиях жизни нашей эпохи, должно, в значительной степени, облегчаться ростом экономической связи и даже прямой заинтересованности большинства стран и народов европейской культуры в странах Тихого океана.

б.—А с другой стороны, нельзя не отметить того важного обстоятельства, что в наше время несомнен-

ным является факт наличия определенного сдвига в исторической науке: старые схемы, старая периодизация всеобщей истории, приобретший права монополии западно-европейский уклон ее (так называемый „европоцентризм“) нуждаются в самых серьезных корректурах, а иногда даже и в коренной ломке. Прежде всего, объективные условия после-военной эпохи, характеризующиеся обострением экономического соперничества между Англией и САСШ, вызвали в соответствующих странах усиленный интерес к судьбе Англии и ее колоний, или точнее—интерес к историческому изучению Англии и ее колониального развития. Равным образом, на ряду с этим в современной исторической науке стоит также весьма повышенный интерес к новейшей истории САСШ и затем—к колониальной проблеме вообще.

Так постепенно в круг исторических исследований вошли проблемы истории отдельных колоний, колониальной политики отдельных стран, проблемы и перспективы европейского и американского империализма. Современные историки учитывают тот факт, что „империализм в той форме, какую он приобрел после 1875 года, есть продукт по преимуществу европейский, но он прививался и у неевропейских наций, по мере того как они вводили у себя европейский экономический строй и усваивали политические идеи Западной Европы“ (Паркер Томас Мун. Империализм и мировая политика. Русск. перев. Москва 1928. Стр. 20).

На ряду с такого рода расширением рамок современного исторического знания, наблюдается также и тот факт, что означенные рамки современного исторического знания, с другой стороны, раздвигаются бесконечно вглубь веков: новейшие успехи разработки исторической науки за последние сто лет в особенности (в этом отношении XIX век может быть по справедливости назван *saeculum historicum*) дают основание говорить о совершенно новых точках зрения на начальный период истории Европы в ее отношении к истории народов Северной Африки, Передней, Центральной и

Восточной Азии. Так, по справедливому замечанию одного крупного историка, автора новейшего труда по истории древнего Востока, „изучение доисторической и самой ранней исторической жизни древнего Востока есть необходимое введение к правильному пониманию европейской до-истории“ (3). Общеизвестен тот факт, что, например, страны Восточной Азии (или Дальнего Востока) довольно медленно входили в великое русло науки всеобщей истории. И тем не менее, с точки зрения современного состояния исторической науки, они никогда не были „совершенно обособленным миром, без путей связи и взаимного влияния, даже в эпоху, предшествующую той, когда обе половины человечества (т. е. Восток и Запад) установили между собой более тесные взаимоотношения“ (см. обстоятельное предисловие Анри Берра, редактора журнала „Revue de Synthèse historique“, к книге Marcel Granet. *La civilisation chinoise.—La vie publique et la vie privée.* Paris. 1929, p. V).

Широкие перспективы современной исторической науки дают основание утверждать, что „не только мировая, даже европейская культура не свила себе гнезда в одном излюбленном месте; культурные центры перемещаются с места на место, и повидимому не существует в мире приобщившегося к культуре народа, который не участвовал бы в исторической эволюции“. *)

Учитывая приведенные выше как фактические данные, так и теоретические предпосылки, мы в дальнейшем и перейдем к рассмотрению проблемы взаимоотношения Востока и Запада в ее исторической перспективе.

*) Акад. Ф. И. Успенский. История Византийской империи. 1 т., часть 1, стр. 36. Изд. Брокгауз-Ефрон. (Введение—„Сходства и различия в историческом развитии Запада и Востока“).

The first part of the report deals with the general situation of the country and the progress of the work done during the year. It is followed by a detailed account of the various projects and schemes which have been carried out, and a summary of the results achieved. The report concludes with a statement of the views of the Committee on the progress of the work and the prospects for the future.

The Committee has the pleasure to inform you that the work done during the year has been of a high standard and has made a valuable contribution to the progress of the country. It is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out, and the progress made in the various fields of activity.

The Committee has also noted the progress made in the various fields of activity, and is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out. It is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out, and the progress made in the various fields of activity.

The Committee has the pleasure to inform you that the work done during the year has been of a high standard and has made a valuable contribution to the progress of the country. It is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out, and the progress made in the various fields of activity.

The Committee has also noted the progress made in the various fields of activity, and is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out. It is particularly gratified to note the success of the various projects and schemes which have been carried out, and the progress made in the various fields of activity.

II.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ДРЕВНЕМ МИРЕ.

575
803575

1.—Древняя Греция и страны Востока. 2. Условия зарождения и развития духовной культуры в древней Греции. 3. Элементы научных знаний и философских построений у народов древнего Востока. 4. Особенности развития рационального знания и философской мысли в древней Греции и у народов древнего Востока. 5. Конфуцианство и типические черты древне-китайской культуры. 6. Отсутствие „моста“ между Востоком и Западом в древнем мире.

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ПРОБЛЕМА БИЗАНТИЗМА И ВОСТОКА
И ЗАПАДА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

1. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.
 2. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.
 3. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.
 4. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.
 5. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.
 6. Древний Восток и Греция. Восток, А. Востоков. 1880 г.

1.—Новейшие открытия в области исторической науки в чрезвычайной мере расширяют и углубляют наш исторический кругозор. Эти открытия в совершенно новом свете выявляют пред нами отдаленнейшую эпоху в жизни Египта, Передней Азии, Центральной и Восточной Азии. В свете означенных новых открытий европейская до-история „прежде всего и главным образом носит печать подражания, или, в лучшем случае, приспособления к достижениям Востока“. *) Между тем, с традиционной точки зрения, история европейской культуры отправным своим пунктом считает древнюю Грецию. Этим самым все остальные культурные народы древнего мира в известной мере, если только не полностью, устраниаются от участия в том историческом процессе, который привел к зарождению культуры новых европейских народов. В этом отношении, например, нельзя не признать показательными следующие рассуждения Гегеля в его классическом труде — „Лекции по истории философии“: „При упоминании Греции, — говорит здесь Гегель, — образованный европеец и, в особенности, мы, немцы, чувствуем, как будто очутились в родном доме. Европейцы получили свою религию, свое представление о потустороннем, о более отдаленном, не от Греции, а от Востока, точнее от Сирии, и в этой области они сделали шаг вперед по сравнению с Грецией. Но мы сознаем, что посюстороннее, здесь наличное, наука и искусство, то, что, доставляя удовлетворение нашей духовной жизни, делает ее достойной, а также и украшает ее, пришло к нам из Греции непосредственно,

*) V. Gordon Child e, The Most Ancient East, p. 3.

или окольным путем чрез римлян" (Гегель, Сочинения, том IX. Русск. перев. Москва. 1932 г., 135 стр.).

В данном случае аргументацию Гегеля, что образованный европеец в отношении древней Греции „чувствует себя как бы в родном доме“, отнюдь нельзя признать, как аргументацию чисто логического порядка: этот факт—„чувствовать себя как бы в родном доме“ более в древней Греции, чем в странах древнего Востока—не может служить аргументом против установления генетической связи европейской культуры с культурой стран и народов древнего Востока. И это тем более, что в настоящее время, в частности, собраны богатые данные для сравнения не только отдаленнейших эпох в жизни народов Европы и стран Востока, но также и для сравнения мышления культурных народов с мышлением диких народов, с так называемым „первобытным мышлением“. Известный своими работами в этом направлении французский ученый Л. Леви-Брюль. (*Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*, 3-e éd. 1918; „*La mentalité primitive*“, 2-e éd. 1922; „*L'âme primitive*“, 1927) подчеркивает тот факт, что „высшие умственные функции должны изучаться при помощи сравнительного метода“ (Л. Леви-Брюль. *Первобытное мышление*. Русский перевод. Москва 1930, стр. 6). Констатируя отличный характер первобытного мышления (по терминологии Л. Леви-Брюля — „пралогического мышления“) от мышления „нашего“, т. е. мышления обществ, вышедших из средиземноморской цивилизации, в которой развилась рационалистическая философия и положительная наука, Л. Леви—Брюль, тем не менее, поставляет своей задачей изучение промежуточных, или переходных форм от первобытного мышления к мышлению культурных народов (4).

2.—Тем более настоятельную задачею, с этой точки зрения, является изучение тех фазисов культурной эволюции древних народов, которые, в конце концов, дали толчек к образованию древне-греческой культуры. Нельзя, при этом, не отметить, что в наличии имел-

ся целый ряд условий, которые, в свою очередь, содействовали возникновению высокой культуры (в частности, философии и науки) в древней Греции. Это—прежде всего условия внешнего порядка: выгодное географическое положение древней Греции и пути ее хозяйственного развития. Дело в том, что культуры других народов древности: египетская, ассиро-вавилонская, индийская, китайская—суть речные культуры. Нил, Тигр и Евфрат, Ганг и Инд, Хуан-хэ—вот те великие реки, которые создали культуру в Египте, Ассирии и Вавилоне, в Индии и в Китае. Тем не менее, в силу своих природных условий, означенные великие реки не могли вывести народы, жившие в их бассейне, на широкий путь хозяйственной и торговой деятельности, а, вместе с тем, и на широкий путь культурного развития.

И только Греция, омываемая морями и даже частью расположенная на островах, дала сильнейший стимул к развитию экономики и культуры эллинского народа (5). Двигателем древне-греческой культуры было Эгейское море с его бесчисленными островами, так и манящими в даль, с его регулярными летними ветрами, так облегчавшими задачи молодого еще в ту отдаленную эпоху, не уверенного в себе, морского судоходства. Это — „единственное в Европе, — говорит (в своих „Очерках по истории античной культуры“) Ф. Ф. Зелинский, крупнейший знаток античного мира,—полное и тесное сочетание моря и земли. Именно оно характерно для европейской культуры. Течение великих рек, на которых создавались культурные деспотии Востока, замыкают кругозор своих народов; напротив, море, если оно оживлено островами, открывает его, неудержимо увлекает в даль. Европейская культура, созданная греческим народом—дочь моря и земли“.

Сказанным определяются благоприятные условия внешнего порядка для возникновения в древней Греции богатой культуры, в том числе философии и науки. Но на ряду с этим, в древней Греции имелись в наличии также благоприятные условия и внутренне-

го порядка для возникновения здесь рационального знания—философии и науки. По удачному выражению Э. Гартмана, автора „Философии бессознательного“, „Эллада—классическая страна красоты. Здесь человеческий дух впервые расправил свои крылья, стряхнул с своих ресниц тяжелый сон стихийного существования и наложил на природу свой отпечаток, не лишая ее однако через это ее чистой естественности“. Этот эстетизм, проникающий все мировоззрение древних греков, наложил отпечаток и на их религию. Здесь не было всемогущего класса жрецов, который у других народов древности (как, например, в Египте) составлял могущественную касту, резко обособившуюся от других классов общества. А это, в свою очередь, обуславливало отсутствие в древней Греции давления религиозного авторитета на первое пробуждение мышления народа, на первые попытки его в поисках рационального знания (6).

3.—Имелись ли такого рода благоприятные условия для возникновения рационального знания—философии и науки у культурных народов древнего Востока? Нельзя не признать, что зарождение отдельных научных дисциплин можно наблюдать уже у древних восточных народов. Так, например, египетские жрецы славились своими познаниями в области математики и медицины; а древний Вавилон считается колыбелью астрономии. Новейшие успехи в области чтения древнеегипетских папирусов и дешифрирования ассиро—вавилонских клинописных надписей открыли в данном направлении весьма интересный материал. Достаточно здесь отметить, что Отто Нейгебауэру, проф. Геттингенского университета, недавно удалось открыть и прочесть вавилонскую клинописную табличку, относящуюся приблизительно к 2000 году до нашей эры и содержащую в себе задачу на кубическое уравнение.

По мнению Л. Карпинского, проф. математики в Мичиганском университете, открытая Отто Нейгебауэром упомянутая вавилонская табличка представляет

собой исключительную ценность для истории вавилонской науки. „Она показывает,—говорит Л. Карпинский,—что в области математических знаний вавилоняне уже в ту отдаленную эпоху стояли на такой высоте, на которую, как принято было думать, сумели подняться только греки примерно через 1500 лет после вавилонян“. Переходя, затем, от древних Египта и Вавилона к другим странам, известным в древности своею культурою, мы должны отметить что, например, в древней Индии и в древнем Китае был создан ряд философских систем (7). Правда, сто лет тому назад Гегель в уже цитированных нами „Лекциях по истории философии“, чрезвычайно капитальном труде, восточной философии (китайской и индийской философии) уделил лишь двадцать четыре страницы (8). Но при современном состоянии исторической науки отнюдь нельзя „проходить мимо“, или игнорировать культурное наследство, оставленное нам древними индусами и древними китайцами (9).

И это тем более, что в нашу эпоху, пережившую империалистическую войну, проблема единства цивилизации и равноправия наций приобретает все более и более актуальный характер. А по мере того, как у современных народов будет крепнуть это сознание единства цивилизации и равноправия наций, *eo ipso* будет устанавливаться предпосылка для утверждения принципа: Запад для Востока и Восток для Запада. В частности, современные представители китайской университетской науки и философии считают, что для естественного, более глубокого, а не поверхностного, усвоения идей западно-европейской философии китайские ученые должны стремиться найти в своем богатом прошлом элементы философских систем, сходных с философскими системами новых европейских народов.

Так, например, в своем труде „Развитие логического метода в древнем Китае“ Ху Ши, крупнейший представитель китайской университетской философии, считает основною задачею современной китайской фи-

лософии установление органической связи старых китайских систем философии с современными философскими системами Европы и Америки, чтобы таким путем можно было построить собственную, китайскую науку и философию „на новом основании внутренней ассимиляции старых и новых систем“.*) Являясь противником традиционного конфуцианства, сыгравшего такую большую роль в истории Китая, Ху Ши считает, что „будущее китайской философии, повидимому, в значительной мере будет зависеть от возрождения тех великих философских школ, которые некогда процветали на ряду со школой Конфуция в древнем Китае“ (Op. cit. Introduction, p. 8).

При этом, Ху Ши чужд ложного национального самомнения. „Я не желаю быть истолкованным так,— говорит он,— чтобы моя пропаганда в пользу возрождения философских школ древнего Китая была понята, как желание приписать Китаю честь первенства в области открытия тех методов и теорий, которые до сих пор рассматривались, как исключительно Западные по своему происхождению“ (Op. cit. Introduction, p. 9. Курсив автора). Ху Ши объясняет, почему он считает неуместным стремиться к установлению такого рода первенства в пользу Китая. „Простое первенство в изобретении или открытии,— говорит он,— без дальнейших усилий улучшить и усовершенствовать изобретения и открытия в их первоначальной, неразвитой форме могут быть только предметом сожаления, но не тщеславия“ (Ibidem).

4.— В вышеуказанном своем труде Ху Ши поставляет себе целью „ввести в Западный мир великие школы мысли древнего Китая“ (Op. cit. Introduction, p. 10). Прежде всего, Ху Ши устанавливает тот факт, что основы китайской философии были заложены приблизительно в ту же эпоху, когда возникла и развивалась греческая философия. Это—последние шесть

*) Hu Shih (Su Hu). The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanaghai. 1922. Introduction, p. 7.

веков до нашей эры. „Первый период китайской философии (600—210 г. г. до нашей эры), который составляет предмет настоящего исследования,—говорит Ху Ши,—является одной из самых важных и самых славных эпох в истории человеческой мысли. Это был век Лао-цзы, Конфуция, Мо цзы, Мен-цзы, Ху-цзы, Гун Су-луна, Чуан-цзы, Сун-цзы, Хань-фэя и многих других философов менее известных. Их талант, оригинальность, богатство идей и их крупное значение дают им в истории философии место, которое можно сравнить только с местом, занимаемым греческой философией начиная от софистов до стоиков“ (Op. cit., part., 1, p.1).

Таким образом, возникновение и начальная эпоха китайской философии совпадают с эпохой возникновения и развития греческой философии. Эти два потока мысли развивались совершенно самостоятельно и в разных условиях географического, хозяйственного и политического порядка. В отличие от древней Греции, древний Китай был страной континентальной—страной речной культуры. Отсюда цикл развития философских идей и систем в пределах древнего Китая остался замкнутым в себе. При этом—что особенно важно—нельзя не отметить значительных особенностей, отличающих ход развития означенных двух потоков философской мысли: древне-греческой и древне-китайской (10). В самом деле, путь развития греческой философии—это путь от мифа к рациональному знанию. Мифологическая оболочка древне-греческих воззрений на природу, на человека, на жизнь человеческих обществ прошлого и настоящего постепенно давала трещину под напором начавшегося пробуждения и дальнейшего развития деятельности интеллекта.

Как справедливо указывает Грот в своем классическом труде—„История Греции“, от „поэзии Гомера до истории Фукидида и философии Платона и Аристотеля был громадный шаг; но это был естественный рост эллина-юноши в эллина-мужа“. *) Этот последо-

*) G. Grote. History of Greece. London. 1869. Vol. 1, p. 446.

вательный рост работы греческого ума сказался во всех сферах умственной деятельности древней Греции. Отбросив теогонические и космогонические повествования традиционного религиозно-мифологического мировоззрения, греческие мыслители выработали ряд концепций и систем рационального миро-и жизнепонимания. Главная заслуга греческих философов, независимо от конкретного содержания их философских учений, в том и состоит, что они обособили область рационального знания, как высшую область нашей творческой деятельности, от религиозно-мифологических представлений и концепций. Такого рода обособлением двух указанных различных областей творческо-построительной работы нашего ума и было положено начало европейской науке и философии.

На протяжении последних двух тысяч лет европейское человечество пережило длинный путь эволюции хозяйственных, социально-политических отношений и всякого рода умственных движений. И тем не менее, от древней Греции новые европейские народы, в качестве культурного наследства, получили не только отдельные философские системы, значение которых может быть оцениваемо по разному, но самое главное —своего рода философский и научный опыт, в частности нашедший свое выражение в выработке философской и научной терминологии. В качестве иллюстрации здесь достаточно привести несколько таких терминов, унаследованных от древней Греции новыми европейскими народами.

Так, например, естественные науки и философия пользуются термином „космос“. „Космос“ (слово греческое)—это не просто мир, видимый нами: это—вселенная, как мир законосообразной связи. Но понятно, что идея „космоса“, как фактор об'ективный, очевидно могла зародиться только там, где ей соответствовал фактор суб'ективный—эстетическое чувство гармонии при взгляде на окружающий нас мир. Такого рода эстетизм, как мы уже указывали, является характер-

ной особенностью древне-греческих взглядов на природу. Далее, современная наука широко пользуется термином „организм“ (греческое слово). Этот термин был создан греческой наукой и философией. При этом, термин „организм“, впервые установленный в древней Греции, был потом забыт в течение многих столетий; и только в новейшее время означенный термин нашел себе широкое применение в области научного и философского знания.

Широко также пользуются современные европейские языки термином „система“: мы говорим о философской системе, о системе знаний, о системе правил и т. д. В древней Греции под „системой“ понимался состав, составление сложных частей единого целого на подобие музыкальной гармонии, вследствие чего „система“ в древнейшем своем значении приравнивалась к аккорду или согласию, т. е. к симфонии звуков (Платон. Тимей). Словом, терминологическая зависимость европейской науки и философии от науки и философии древней Греции чрезвычайно значительна, так как большинство терминов, принятых в европейском научном языке, по своему корню греческого происхождения; и впервые означенные термины употреблялись представителями греческой науки и философии (11).

Весьма существенным является факт, что греческое мировоззрение в его целом содействовало выработке представления о том, что разум образует собою функцию высшего порядка в жизни и деятельности человека. Как многозначительно подчеркивается в одном месте „Антигоны“ Софокла,—

Дарованный богами разум в людях
Прекраснее всего, что в мире есть.

Начавшееся в VII веке до нашей эры движение философской мысли в Элладе прошло несколько фазисов на греческой почве, передалось затем в Рим, столкнулось далее с появившимся на сцене мировой истории новым религиозным учением—христианством; это столкновение привело, с одной стороны, к борьбе

между христианством и эллинизмом, а с другой—к компромиссу между христианством и эллинизмом, взаимному влиянию их друг на друга; это последнее наложило свой отпечаток на целый тысячелетний период движения философской мысли, так называемой эпохи средних веков. Наконец, новая европейская философия, имеющая приблизительно уже четырехсотлетнюю давность, началась и развивалась под знаком борьбы за права разума в области познания и поведения человека.*)

5.—Имелось ли подобное же движение неуклонного и последовательного развития философского мышления среди народов восточной культуры? Культурные народы древнего Востока жили в других условиях, как географического, так и хозяйственного порядка, чем древние греки. Ни древние египтяне, ни древние вавилоняне, ни древние индусы, ни древние китайцы не вышли в своем развитии из сравнительно узких пределов речной культуры. Хозяйственная деятельность этих народов глубоко отличается от хозяйственного быта древней Эллады с ее широко развитой морской торговлей. Значительные особенности хозяйственного быта культурных народов древнего Востока дают основание говорить даже об особом способе, „азиатском способе производства“, как совершенно отличном от европейского хозяйственного укладе (12).

Говоря вообще, азиатский тип хозяйственного быта издавна характеризовался земельной теснотой и преизбытком человеческого труда, а европейский—избытком земли и недостатком человеческого труда. Азиатский способ производства „распространен на ши-

*) Установку общего взгляда на природу историко-философского процесса см. в нашем очерке: *Борьба в мире идей.*—К характеристике исторических судеб философии. Известия Юридического Факультета, том VII. Харбин, 1929. Довольно подробно останавливается на методологических вопросах, связанных с истолкованием историко-философского процесса, марксистский автор А. Варьяш в своей „Истории новой философии“. См. А. Варьяш. *История новой философии* Москва, 1926. Том первый, часть 1-ая. Введение, стр. 1—70.

рокой полосе от северо-восточного угла Африки (Египет) по всему югу и востоку Азии до Японии включительно. Эта территория с прилегающими островами занимает менее 20% всей поверхности земной суши, причем на ней живет теперь свыше 50% всего населения земного шара. Можно думать, что в древности указанная территория давала приют еще большей части человечества" (Е. Е. Яшнов. Особенности истории и хозяйства Китая. Известия Юридического Факультета, том X, 126 стр. Харбин 1933 г.).

Дело в том, что целый ряд причин заставлял человечество тесниться именно здесь. Сюда следует, например, отнести чрезвычайно благоприятные условия для земледельческого труда, господствующие во всей указанной зоне. Отсюда на двойственной базе (густое население и благоприятная естественная обстановка для земледельческого труда) и „сложился тип азиатского трудо-интенсивного хозяйства. Его возникновение относится к очень отдаленной эпохе. Достаточно сказать, что тесно связанное с ним орошаемое земледелие появилось в до-исторический период" (Е. Е. Яшнов *Op. cit.* 126—127 стр.). Естественно, что хозяйственные и социально-политические условия, господствовавшие среди культурных народов древнего Востока (азиатское, трудо-интенсивное хозяйство в связи с деспотической формой правления в большинстве случаев), не могли содействовать широкому развитию здесь научной и философской деятельности.

Так, заслуживает внимания тот факт, что развитие философского мышления и философских интересов в древнем Китае шло по пути разрешения, главным образом, проблем практического характера. Конфуций (551—479 г. г. до нашей эры), с именем которого связано представление, как о родоначальнике китайской философии и старой китайской культуры вообще, по основному укладу своей личности представляется глубоко практическим человеком (13). Для него поведение есть критерий познания. Отсюда его

главный интерес направлен на практическое поведение человека. *) Век Конфуция в истории Китая представляет собою эпоху политической раздробленности, социальных волнений и умственной анархии. Кроме того, это был век морального упадка в Китае. Вот чем объясняется то, что центральную проблему философского учения Конфуция образует проблема реформы общества (14). Эта недостаточность теоретического интереса к области познаваемого является характерной чертой, можно сказать, для всех представителей китайской философии. Между тем, наличие на известной стадии развития человеческого общества теоретического интереса к знанию представляет собою движущее начало научной и философской деятельности человека. Наличие теоретического интереса к знанию и является показателем эмансипации человеческого ума от всех тех условий, которые характеризуют обыденное мышление в его отличие от мышления научного и философского. Обыденное мышление человека есть своего рода недифференцированная протоплазма. Пробуждение теоретического интереса к знанию и полагает первое различие между мышлением обыденным и мышлением научно-философским.

Поэтому, слабость, или отсутствие теоретических интересов у представителей китайской философии не могло не сказаться на общем ходе развития этой философии: доминирующими в китайской философии явились проблемы этического, политического, экономического и вообще практического характера (15). По мнению одного современного китайского автора, экономические идеалы китайского народа, как и вообще его общественные идеалы, покоятся на принципе „ань“ (спокойствие), а не на принципе „тян“ (сила). Это значит,

*) Конфуция спросили, в чем состоит знание. Он отвечая: „Употреблять все свои силы к исполнению того, что справедливо и прилично человеку; чтить духов и гениев, и держаться в почтительном от них отдалении, — вот что называется знанием“. С. Георгиевский. Принципы жизни Китая, стр. 307.

что, с традиционной китайской точки зрения, „для личности важнее всего спокойствие, для отношения с другими личностям—тоже спокойствие и, наконец, для целого, для общества и для государства, также важнее всего руководствоваться принципом „спокойствия“ в политике—в смысле управления, умиротворения, руководства народом“. (У Дин-чан. Экономические идеалы китайского народа. Вестник китайского права, Харбин, 1930. Сборник первый, стр. 332).

Такого рода руководящий принцип, поскольку он нашел свое выражение в исторической жизни китайского народа, свою идеологическую основу всецело имеет в учении Конфуция. Приэтом, принцип „ань“ (спокойствие) можно проследить во всех областях исторической жизни Китая. В частности, в области духовной культуры старого Китая этот принцип нашел свою реализацию в окаменелости означенной культуры: „недвижный“ Китай—это есть окаменелый Китай, который на протяжении свыше двух тысяч лет, от эпохи Конфуция приблизительно до половины XIX века, пребывал в состоянии „спокойствия“, как умственного, так и социально-политического. Этот факт окаменелости, неподвижности старой китайской культуры служит наглядной иллюстрацией того положения, что культура древнего Китая действительно не в состоянии была породить мощный поток научно-философского движения, аналогичный таковому же движению в древней Греции.

6.—Таким образом, в условиях развития хозяйственной жизни и духовной культуры, в древнем мире оказалось естественным противопоставление Востока и Запада. Правда, в эпоху эллинистических монархий значительно усилилось взаимообщение между отдельными народами древнего мира, до того времени мало или почти совсем не соприкасавшимися, в силу дальности расстояния, друг с другом. С эпохой эллинистических монархий, и даже с именем самого Александра Македонского, связывается представление об основании целого

ряда новых городов в Передней Азии и на границе Передней Азии со Средней Азией (включительно до Туркестана). Эти греческие города,—как отмечает Э. Мейер,—явились носителями эллинизма и главным орудием его распространения в ту эпоху.*) Означенные города (например, нынешние Мерв, Герат и др.) явились важными пунктами на путях мировой торговли того времени, содействуя ее развитию и расширению. В то же время основание такого рода новых городов, как оплотов эллинистической культуры и мировой торговли в рассматриваемую эпоху, естественно облегчало, в частности, пути связи эллинистических монархий с древним Китаем. Тем не менее, факт всемирных завоеваний Александра Македонского, повлекший за собою образование эллинистических монархий, все же не устранил всех сложных затруднений на пути установления „моста“ между Китаем, как носителем, и виднейшим представителем культуры Востока, и Западом.

Установившееся, как выше было указано, противопоставление в древнем мире Востока и Запада еще более окрепло на дальнейших этапах исторической жизни народов Европы и Азии. Таким дальнейшим этапом, прежде всего, явились средние века.

*) E. M e y e r. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. Berlin, 1925, S. 15.

III.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В СРЕДНИЕ ВЕКА.

1. Средние века и античная культура. 2. Пути развития Западной половины Римской империи. 3. Пути развития Восточной половины Римской империи. 4. Страны и народы Восточной Азии в эпоху европейского средневековья. 5. Сравнительная характеристика западно-европейской схоластики и нео-конфуцианства в Китае. 6. Расхождение путей умственного развития средневековой Европы, с одной стороны, и Китая эпохи европейского средневековья,—с другой.

ПРОЦЕДУРА ВЪВЕДЕНИЯ
СТОКА И ВЪВЕДЕНИЯ В СРЕДНИЕ РЕКА

1. Служба застрахованя на вода
2. Служба застрахованя на вода
3. Служба застрахованя на вода
4. Служба застрахованя на вода
5. Служба застрахованя на вода
6. Служба застрахованя на вода
7. Служба застрахованя на вода
8. Служба застрахованя на вода
9. Служба застрахованя на вода
10. Служба застрахованя на вода

1.—Эпоха средних веков обнимает приблизительно тысячелетний период. В течение всей эпохи средних веков европейские народы продолжают жить в пределах Средиземноморского бассейна, и только конец средних веков совпадает с выходом европейских народов на широкие просторы Атлантического океана. Хотя термин „средние века“ и имеет условный смысл, тем не менее он является общепринятым и до настоящего времени (16). Правда, об'ем этого термина, с точки зрения современной исторической науки, значительно шире, чем ему усвоила традиция: в узких рамках традиционных исторических концепций средние века обнимали собою лишь историю Западной половины Европы; Восточная же половина Европы при этом игнорировалась. Между тем, с точки зрения современного состояния исторической науки, в обзор эпохи средних веков следует включать рассмотрение исторических судеб не только народов Западной и Восточной половины Европы, но и других стран.

Исходя из этих предпосылок, мы и проследим взаимоотношения Востока и Запада в эпоху средних веков. Европейская культура средних веков, в отличие от античной культуры, характеризуется тем, что в своем основном виде означенная культура возникла на широкой континентальной основе. В отличие от исторических стран Средиземноморского бассейна, для средневековой Европы, хотя она и прилегала к двум морям—к Средиземному, с одной стороны, к Балтийскому морю и отчасти к Атлантическому океану — с другой, основной тон и направление ее жизни и деятельности давал, тем не менее, не прибрежный торговый город, а расположенная в глубине страны зем-

ледельческая область; значение же торговли и торгового капитала выявляется лишь в конце средневековья (17).

Своеобразные черты исторической жизни средневековья связаны с целым рядом исторических дат крупного значения: это — Миланский эдикт 313 г., падение Рима в 410 г. под ударами ост-готов и закрытие в 529 г. императором Юстинианом Великим всех языческих школ на территории Греко-римской империи. Средневековую культуру, как известно, характеризует господство церкви над всеми сторонами общественной и личной жизни европейских народов. Отсюда в Западной Европе средневековая наука и философия создавались под исключительным руководством церкви и ее служителей. Естественно, что, с точки зрения своего содержания, средневековая наука и философия являются простым повторением античной науки и философии, переработанных лишь, нередко с значительным искажением подлинного учения и подлинных точек зрения, в духе христианской церкви.

Античная культура, официально упраздненная со времени об'явления христианской церкви господствующей на территории Греко — римской империи, продолжала, тем не менее, существовать в новой форме, в условиях нового истолкования и приспособления ее к изменившейся обстановке хозяйственного быта и политической жизни: христианство, явившееся победителем в борьбе с язычеством, само, одновременно с этим, подверглось „эллинизации“ в трудах целого ряда отцов и учителей церкви *). При этом, в узких рамках масштаба исторической жизни средних веков противопоставление Востока и Запада вылилось, ближайшим образом, в форме противопоставления друг

*) По вопросу об эллинизации христианства см., например, Гэтч, Эллинизм и христианство. Русск. перев. в сборнике „Общая история европейской культуры“, под ред. Гревса, Зелинского, Кареева и Ростовцева, СПб. Изд. Брокгауз—Ефрон, том VI.

другу Восточной и Западной половин Греко-римской империи.

2.—Восток Греко-римской империи, в качестве наследства от старой Римской империи, получил сильную императорскую власть, широко разработанный бюрократический строй государственного правления и христианскую церковь, подчинявшуюся государственному авторитету. На ряду с этим, на Востоке сохранились также главнейшие городские центры прежней, эллинской культуры с их древне-эллинскими традициями. Означенные городские центры прежней, эллинской культуры содействовали возникновению в недрах церкви целого ряда умственных движений, проникнутых тенденцией к сближению и усвоению идеалистических основ греческой философии.

Западная же половина Римской империи представляла собою в то время совершенно другую картину. В политическом отношении Запад в то время представлял собою аморфную массу: великое переселение народов дало толчек к образованию на развалинах Западной половины Римской империи новых государственных единиц, каковой процесс формации новых государственных образований затянулся на продолжительный период времени (18). В этих условиях и выросло необычайно большое значение для средневековой Западной Европы Рима и римского папы. Дело в том, что в Риме воплощалась идея векового торжества античной мысли, искусства, государственности и связанной с ним общественной организации. После падения Рима в 410 г. под ударами готов Алариха Рим, естественно, уже не мог удержать своего прежнего значения, как политический центр, каковым он был в древнем мире.

Тем не менее, настолько велика была сила традиции и обаяния прежней славы Рима, что ему все же удалось сохранить известное значение, как некоего об'единяющего центра, благодаря деятельности римских пап. Если Восток унаследовал от античного

мира его философию, и греческая философия оказала большое влияние на разработку христианского учения восточными отцами и учителями церкви, то Запад унаследовал от древнего мира традиции римского права, и в трудах западных церковных писателей пышно расцвела идеология христианской теократии (19). Имея в виду, как характерную черту, это господствующее положение в средневековой жизни Западной Европы идеей христианской теократии, покойный В. И. Герье так характеризует означенную отличительную особенность Запада в средние века: „Подобно тому, как над каждым из средневековых городов высоко поднимается массивный собор своей направленной к небу остроконечной башней, так над средневековой жизнью царит одно общее величественное сооружение человеческого духа“—средневековое католичество, папская теократия (см. его „Очерки по истории средневекового миросозерцания“, журнал „Вестник Европы“, 1891 г.).

К эпохе средних веков и относится наиболее резкое обособление в исторической науке Востока и Запада. Традиционное построение мировой истории очень долгое время под средневековой историей понимало исключительно историю Западной Европы: сюда не включалось даже изучение истории Византии—Восточной половины Европы, и тем более не включалось изучение истории стран Восточной Азии. Отсюда, по традиционной исторической схеме, эпоха Возрождения, пришедшая на смену средним векам, мыслилась, как эпоха чисто-революционная, ничем не связанная с предыдущим развитием мировой истории. Такого рода усвоение важного значения эпохе Возрождения в эволюции обществ новой Европы составляет „едва ли не самый популярный сюжет историков-идеалистов, с особенным торжеством выдвигаемый ими для доказательства силы влияния идей в истории“ (Д. М. Петрушевский. Очерки из истории среднев. об-ва и госуд., 22 стр.).

Под пером историков-идеалистов термин „Возрождение“ получил чрезвычайно широкий и чрезвы-

чайно многозначительный смысл: „под ним стали разуметь уже не одно возрождение „искусств и наук“, а возрождение к новой душевной жизни самого западно-европейского человека, какое-то поистине чудесное перерождение его под влиянием античных идей и художественных форм“ (Д. М. Петрушевский. *Op. cit.* 23 стр.). Между тем, современная реальная историческая наука, отвергая, как совершенно ненаучную, мысль о культурном перевороте, произведенном, в силу усвоения новой Европой античной образованности, в эпоху Возрождения, вообще не склонна придавать так называемому „гуманизму“ слишком большое и глубокое значение в истории культурного развития Европы: она „более склонна видеть в нем чисто литературное явление, страницу из истории литературных форм, художественных стилей, филологических и археологических изучений и педагогических идей“. (Д. М. Петрушевский. *Op. cit.* 25 стр.). Естественно, что, под такого рода углом зрения, немалый интерес, при выяснении экономических и культурных условий перехода от средних веков к новому времени, представляют собою исторические судьбы Восточной половины Римской империи.

3. — Поэтому, при историческом рассмотрении вопроса о взаимоотношении Востока и Запада, на ряду со средневековой папской теократией и средневековым феодализмом стран Западной Европы, необходимо учитывать также и византизм, как известный хозяйственно-политический и культурно-исторический фактор в истории средневековой цивилизации вообще и в жизни стран Восточной половины Европы, в частности. Правда, „обычно о византийцах говорят с раздражением. И это справедливо, поскольку византийские хроники характеризуют византийский народ, как народ жестокий, ленивый и развращенный. Тем не менее, в то время как Запад пребывал в варварском состоянии, византийцы одни оставались цивилизованным народом; причем, они сохранили цивилиза-

цию древнего мира и передали ее народам новой Европы" (С h. S e i g n o b o s. History of Mediaev. Civiliz., p. 37).

Под византинизмом, прежде всего, следует разуметь совокупность всех тех начал и элементов хозяйственно-политического и культурно-исторического порядка, под влиянием которых на Востоке постепенно реформировалась в течение V-VIII в. в. Римская империя, прежде чем образоваться в Византийскую империю (20). Если на Западе, как мы видели, организующим началом хозяйственно-политической и культурной жизни в эпоху средних веков сделался романизм (в широком смысле слова элементы и традиции древнего Рима), то на Востоке таковым началом сделался византинизм. В самом деле, воздавая должное романизму в процессе образования в средние века государственных единиц Западной Европы, нельзя, с другой стороны, не придавать определенного значения византинизму в истории стран и народов Юга и Востока Европы. Если романизм формирует франкское государство и служит важным организующим началом в империи Карла Великого и Оттонов, если римские правовые воззрения оказывают очень сильные действия во всей истории Запада, то византинизм, со своей стороны, сделался руководящим началом государственной жизни целого ряда славянских народов. Византинизм идет до Киева и Москвы, под его началами складывается историческая жизнь, т. е. хозяйственный быт, а также государственное и военное устройство, южных и восточных славян. Словом, „византийцы были учителями славянских народов, подобно тому как римляне были учителями народов германских" (С h. S e i g n o b o s. Op. cit., p. 38).

Весьма важным представляется тот факт, что в числе факторов, обусловивших наступление эпохи Возрождения, помимо крушения хозяйственной структуры и наличия внутреннего разложения в недрах средневековой культуры стран Западной Европы, большую роль сыграл хозяйственно-политический кризис и,

затем, падение Византии: в связи с этим, в XIV и особенно в XV в. в. в Италии появилось, в качестве беженцев, большое число византийских ученых, покидавших свою родину накануне падения ее под ударами турок. „По мере того,—говорит автор новейшей монографии о „Падении Византии“,—как условия жизни в Византии становились тяжелее и опаснее в связи с турецкими завоеваниями, греки, усиленно переселяясь на Запад, привозили с собою и памятники своей литературы. Подобное накопление в Италии сокровищ классического мира, совершившееся благодаря Византии, создало на Западе исключительно благоприятные условия для ознакомления с далеким прошлым Эллады и сокровищами ее вечной культуры**).

При этом, что касается самой Византии, то, несмотря на глубокий кризис, переживавшийся ею в XIV-XV в. в., все же Константинополь той эпохи являлся „центром живой и высокой культуры умственной и художественной. Как в былые лучшие времена империи, константинопольские школы процветали, и молодые люди приезжали туда учиться не только из далеких греческих областей, как Спарта и Трапезунд, но даже из Италии, где в эти века творилась великая работа Возрождения“ (21). Таким образом, совершенно очевидно, что нет никакого основания выключать из общего хода европейской истории в средние века историю Восточной половины Европы—историю Византии. И это тем более, что генезис эпохи Возрождения, говоря вообще, весьма значительного этапа на путях к новой истории, показывает, как мы видели, наряду с другими факторами хозяйственно-политического и культурно-исторического порядка, важную роль представителей византийской образованности в сложном процессе подготовки и развития умственных движений эпохи Возрождения.

*) А. А. Васильев. Падение Византии.—Эпоха Палеологов (1261—1453). Ленинград, 1925, стр. 139.

4.— Равным образом, нет оснований выключать из общего хода мировой истории на протяжении тысячелетнего периода средних веков и страны Восточной Азии, среди которых доминирующее положение в ту эпоху занимал Китай. Китайская культура на протяжении европейского средневековья характеризуется упрочением и стабилизацией конфуцианства. При этом, для Китая эпоха, параллельная эпохе зап.-европейского средневековья, отнюдь не была эпохой застоя. Так, в эпоху Танской династии (618-907 г. г.) Китай переживает период расцвета наук и искусств. Это—век классической китайской литературы. В 785 г. была учреждена знаменитая Ханьлинская академия, объединившая в своем составе виднейших представителей китайской науки и философии.

Правда, в дальнейшем на протяжении пятидесяти с лишним лет (907-960 г. г.), Китай пережил период разрухи, характеризовавшийся последовательной сменой за короткий период времени пяти династий. Но при династии Сун (960-1276 г. г.), на первых порах объединившей весь Китай, вновь наблюдается оживление умственных интересов и литературной деятельности. Принято считать, что династия Сун „более славна в области искусства и философии, чем в области политики“ *). Наконец, эпоха в истории Китая, параллельная эпохе позднего зап.-европейского средневековья, характеризуется, как кульминационный пункт в развитии хозяйственной и политической мощи Китая. Это—правление Монгольской, или Юаньской династии (1280-1368 г. г.). В эпоху Монгольской династии (в период расцвета мощи этой династии при императоре Хубилае) Китай представлял собою громадный хозяйственный и политический организм, включавший в

*) Herbert H. Gowen. Asia.—A short History, p. 75. Сравн. также: Rene Grousset, Histoire de L'Extreme—Orient. Paris, 1929, tome premier, p. p. 379—387; F. Farjanel. La Morale Chinoise. Paris, 1906, p. 164.

сферу своего влияния даже страны Восточной половины Европы (завоевание Руси монголами).

В культурном отношении фактом большой значимости в истории Китая на протяжении зап.-европейского средневековья является систематизация конфуцианства в эпоху династии Сун. Целый ряд китайских философов эпохи Сунской династии связал свое имя с этой работой по систематизации конфуцианства. Нельзя не отметить ту политическую обстановку в жизни Китая, в условиях которой происходила работа по систематизации конфуцианства. Династия Сун, объединившая в 960 году весь Китай, приблизительно через сто лет начала испытывать затруднения в связи с борьбой с северными кочевыми и полукочевыми племенами. Одно из таких племен, теснивших в то время Китай с севера, известное под именем киданей, в 1127 г. завоевало всю северную половину Китая. В связи с этим, китайские императоры вынуждены были перенести свою столицу сначала в Нанкин, а затем и далее на юг—в Ханьчжоу. В этих условиях упорной борьбы династии Сун с возраставшей мощностью различных кочевых и полукочевых племен, теснивших Китай с севера, в жизни последнего и обозначился уклон, чрезвычайно интересный с культурно-исторической точки зрения: это—школьная разработка и систематизация конфуцианства, обеспечившие конфуцианству господствующее положение в жизни Китая на протяжении последующих приблизительно семи столетий.

Работа философов эпохи династии Сун представляет собою одну из самых блестящих страниц в истории умственной культуры Китая (22). В философской плеяде означенной эпохи наиболее видное место принадлежит Чжу Си (1130-1200 г. г.). По словам автора специальной монографии о нем, „современное конфуцианство, т. е. система этических и метафизических концепций, являвшихся в Китае ходячими за последние семь столетий, представляет собою скорее фило-

софию Чжу Си, чем философию Конфуция**). Дело в том, что Чжу Си оформил конфуцианство в определенную систему. До эпохи же династии Сун целый ряд разнообразных условий и причин препятствовал стабилизации учения Конфуция и признанию за этим учением непререкаемого авторитета в жизни Китая.

В частности, нельзя не отметить того факта, что в умственном развитии самого Чжу Си большую роль сыграли его занятия буддизмом и даосизмом: это — два религиозно-этических учения, которые до того времени успешно конкурировали с конфуцианством на протяжении ряда столетий, и которые, лишь после оформления конфуцианства в трудах философов эпохи Сунской династии, заняли в культурной жизни Китая второе место — после конфуцианства (23). Работа Чжу Си и его школы по систематизации конфуцианства состояла в критике текста творений Конфуция и в комментировании означенных творений, каковые комментарии в глазах китайцев являются самыми авторитетными. Это систематизированное, и, в известной мере, „подновленное“ конфуцианство, или, как его определяют, „нео-конфуцианство“ и сделалось своего рода господствующей религией Китая вплоть до самой революции 1911 г.

Характерною чертою нео-конфуцианства является то, что оно ограничило окончательно философское мышление областью человеческих „дел“ и отношений. „Большою заслугою философской школы эпохи Сунской династии, — говорит Ж. П. Брюс, — является то, что она в качестве основного начала признала мораль. Она учит, что мир материи, который нас окружает, имеет под собою этическую основу, состоящую из тех же самых этических принципов, которые мы находим заложенными в наших собственных сердцах“ (J. Percy Bruce. *Op. cit.*, p. 125). Соответствуя, повидимому, бо-

*) J. Percy Bruce. *Chu Hsi and his Masters*. London, 1923. Preface, p. p. IX—X.

лее, чем другие религиозно-этические и философские учения (как, напр., даосизм, буддизм), трезво-мыслящему и практическому складу китайского народа, неоконфуцианство разработало, в качестве мер воспитательного воздействия на народ, целую систему церемоний, получивших большую известность под именем „китайских церемоний“ и укоренившихся в китайском быте на целый ряд столетий.

Как мы уже указывали, наиболее резкое свое выражение противопоставление Востока и Запада в исторической науке нашло в отношении эпохи средних веков. На ряду с этим, путь исторических сравнений и сопоставлений вскрывает пред нами тот факт, что формы хозяйственной, политической и культурной жизни народов в эпоху средних веков дифференцировались в нескольких направлениях. Среди этих направлений можно отметить три основных:

- 1) трансформированный романизм (народы Зап. Европы),
- 2) византизм (народы Восточной Европы),
- 3) неоконфуцианство (Китай и другие страны Восточной Азии).

5.— Учитывая ряд особенностей в жизни средневековой Европы, мы должны отметить, что сложный хозяйственный и политический процесс, который характеризует главнейшие моменты формации новых европейских народов на протяжении средних веков, нашел свое отражение в области духовной культуры в виде создания того умственного течения, которое известно под именем схоластики. В свете широкой исторической перспективы, до известной степени, можно усматривать некоторую параллель между западно-европейской схолистикой и неоконфуцианством в Китае: и там, и здесь движущим мотивом, в условиях наличия известных форм хозяйственных отношений и политической жизни, явилась тенденция к стабилизации господствующей идеологии.

Это можно считать формальным признаком как средневековой схоластики, так и нео-конфуцианства*). Что же касается материального содержания того и другого типа идеологии эпохи средних веков, то здесь можно усматривать весьма существенные различия. В самом деле, в средневековой схоластике нашел себе выражение дух теоретической пытливости и любознательности средневекового европейца. Как бы ни казались странными и порой жалкими произведения средневековых схоластиков, в них, тем не менее, нельзя не усматривать, хотя бы и отдаленную, связь с формами и приемами работы философской мысли в древней Греции. Логические операции ума—вот центр тяжести средневековой схоластики. При скудости материального содержания средневековой схоластической философии, представители этой философии, тем не менее, положили немало труда на усовершенствование орудия работы человеческой мысли—на разработку формальной логики**).

Это длительное, многовековое воспитание европейской мысли в эпоху средневековья исключительно на вопросах отвлеченного познания и на умении пользоваться рядом методов и приемов работы человеческого мышления заложило фундамент для той характерной особенности не только в философских построе-

*) В отношении Китая, с рассматриваемой нами здесь точки зрения, особенно заслуживает быть отмеченным XII-й век. По словам Ф. Фарженеля, в эту эпоху в Китае появились „литературные критики, ученые, философы, которые посвятили себя глубокому изучению древних книг, пытались расшифровать содержащиеся в них загадки и производили в этой области работу аналогичную той, которую в Европе в эпоху средних веков развивали богословы в отношении книг ветхого завета“. F. Fa r j e n e l. *La Morale Chinoise*, p. 165.

***) По вопросу о европейской схоластике см. труды: F. P i c a v e t, *Esquisse d'une histoire generale et comparee des philosophies medievales*. Paris, 1907 (в частности, на стр. 216—288 автором дается подробная история реставрации в XIX в. томизма, этой новейшей редакции средневековой схоластики); M. de Wulf, *Histoire de la philosophie medievale*. Louvain—Paris, 4 ed. 1912.

ниях, но и в общем умственном облике европейца, которая известна под именем рационализма. Европейский рационализм, так глубоко отличающийся от основных тенденций духовной культуры Востока, зародился еще в средние века. Дело в том, что, несмотря на искусственное подчинение в схоластической философии разума интересам богословия, все же производившаяся параллельно с этим детальная разработка принципов формальной логики, естественно, постепенно выдвинула в средние века значение разума и разумного познания на первое место. Представляя собой яркий пример бесплодности в области теоретических построений, средневековая схоластическая философия, тем не менее, оказала положительное влияние на средневековое европейское общество в смысле привития у него интереса к проблемам логической работы нашего мышления; схоластика „имела то историческое значение, что она поколебала авторитет веры и реабилитировала человеческий разум“ (Г. С. Тымянский. Введение в диалектический материализм. Ленинград. 1930, стр. 29).

В этом отношении то течение континентальной философской мысли, которое связано с Декартом, как своим родоначальником, несмотря на решительную борьбу представителей упомянутого философского течения со схоластикой, тем не менее связано с последней очень многими нитями. Не говоря уже о терминологии, целый ряд путей и приемов трактования философских проблем у Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница далеко еще нельзя считать свободными от традиционного влияния представителей схоластической философии. Мало того, под именем схоластики нередко и в наше время понимается всякое умственное течение, где, вместо творческо-построительной работы мышления, имеет место узкое, школьное изучение и комментирование, связанные с бесплодным варьированием небольшого цикла идей и концепций.

Что же касается нео-конфуцианства, то развитие его в Китае имело своим следствием явление совер-

шенно другого порядка, чем развитие европейской средневековой схоластики. Дело в том, что нео-конфуцианство в центре поставило не теоретические вопросы отвлеченного мышления, но практические вопросы строительства семьи, рода и государства. Это и сообщило традиционной китайской культуре иной дух, глубоко отличный от духа европейской культуры (24). Эта особенность традиционного китайского мировоззрения выдвинула идею естественного закона, небесного закона, единого как в мироздании, так и в человеческих отношениях. Отсюда, с точки зрения традиционного китайского мировоззрения, не правовые, а исключительно нравственные нормы должны быть положены в основу государства. Вот—конечный вывод традиционного китайского мировоззрения, нашедшего свое оформление в нео-конфуцианстве,—в применении его этических начал к обществу и государству.

Вполне понятно в связи с этим, в частности, преимущественное тяготение старого китайского образования в сторону этико-политических вопросов при слабом интересе к вопросам теоретического познания, а также к явлениям жизни природы. Вот как характеризует образовательную систему старого Китая известный синолог Иакинф Бичурин: „В отношении к просвещению, говорит он, в Китае все внимание обращено на образование нравственное, а умственное считается последствием оногo; почему на стороне нравственного воспитания сделался перевес невыгодный для всех наук“. Правда, некоторое внимание уделялось еще наукам политическим; но,—продолжает он,—политические науки в Китае не только не приведены в систематический порядок: они даже не имеют и названий, которые они носят в Европе; отсюда „сущность политических наук превращена в нравственные правила государственного управления—без различия наук“ (25).

Упомянутые особенности старого китайского образования естественно установили в глазах китайцев

господствующее положение моральных принципов над логической работой мышления. Отсюда воспитательное влияние нео—конфуцианства на китайское общество пошло по совершенно иному пути в сравнении с западно-европейской средневековой схоластикой. В старом Китае большое значение получил культ семьи, что оказалось неблагоприятным для развития индивидуализма и тесно связанного с последним рационализма. Культ семьи, установленный нео-конфуцианством, замкнул цепь умственных интересов китайцев тем узким кругом взаимоотношений социального порядка, которые связаны с семьей (26). Естественно, что на такого рода почве образовательные идеалы и умственные интересы вообще должны были носить очень узкий, ограниченный характер. По словам цитированного нами Иакинфа Бичурина, в современном ему Китае (т. е. в Китае первой половины прошлого столетия) „нравственность, обряды религиозные и музыка предпочитаются всем наукам. Все, что не нужно на службе отечеству, считается бесполезным; и по сему предубеждению китайцы вовсе не обращают внимания на то, что доныне сделано в Европе по части физических и математических наук в применении их к промышленности“ (Иакинф Бичурин. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Пекин. Изд. 1912 г. III-я часть, 3 стр.).

6.—Таким образом, вполне понятно расхождение путей умственного развития средневековой Европы, с одной стороны, и Китая эпохи европейского средневековья,—с другой. И если в дальнейшем умственные движения в Европе породили Ренессанс и философию нового времени, умственная культура Китая оставалась неизменной на всем протяжении—приблизительно до последней четверти XIX столетия. Для того, чтобы пробудиться от застойных форм нео-конфуцианства, Китаю необходимо было пережить какой-то глубокий отрыв от традиционных основ своей хозяйственной и политической жизни. Этот отрыв и начался в то время, когда Европа уже пережила не только эпоху сред-

невековья, но и длинный путь развития своей новой истории.

Чтобы понять пути и глубину отрыва современного Китая от традиционных основ его исторической жизни, мы должны проследить проблему взаимоотношения Востока и Запада в новое время.

IV.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В НОВОЕ ВРЕМЯ.

1. Страны Востока и Запада под знаком эпохи нового времени. 2. Значение Возрождения и Реформации в хозяйственной и культурной жизни народов Западной Европы. 3. Новая наука и новое мировоззрение народов Зап. Европы. 4 Пути развития европейского торгового капитала и колониальная проблема. 5. Проблема взаимоотношения Востока и Запада в свете колониального развития европейских народов. 6. „Открытие Китая“ под углом зрения типических особенностей взаимоотношения стран Востока и Запада в новейшее время.

ПРОБЛЕМА ВАЖНОСТИ ИЛИ БО-
ГОТА И ЗАПАДА В НОВОМ ВРЕМЕНИ

Вопрос о Боге в Новом Времени является одним из самых важных и сложных. В то время как в Средние Века Бог был центром вселенной, в Новом Времени Он становится объектом сомнения и критики. Это связано с развитием науки, философии и культуры, которые ставят под сомнение традиционные представления о Боге. В то же время, несмотря на критику, Бог продолжает оставаться важным элементом культуры и религии. В Новом Времени Бог становится объектом исследования и дискуссии, а не просто объектом веры. Это приводит к созданию новых философских и религиозных систем, которые пытаются объяснить существование Бога в современном мире. Таким образом, проблема Бога в Новом Времени является проблемой, которая касается не только религии, но и философии, культуры и общества в целом.

1.— То, что известно в истории под именем нового времени, в большинстве случаев, связывалось и в наше время связывается с эволюцией хозяйственной, политической и культурной жизни европейских народов. По общепринятой схеме, новое время в истории европейских народов противопоставляется эпохе средних веков. Самое название „новое время“, „новые века“, „новая история“ показывает на определенный крупный перелом, обозначившийся в жизни европейских народов и обусловивший собою наступление новой эпохи в историческом развитии означенных народов (27). В жизни европейских народов конец эпохи средних веков и начало нового времени определяются именно двумя крупными явлениями, образующими своего рода „водораздел“ между двумя означенными эпохами. Это— Возрождение и Реформация.

Что же касается стран и народов Востока, то волны общественного движения и хозяйственного развития, связанного с Возрождением и Реформацией, не захватили и не могли захватить их: Возрождение и Реформация, как определенные исторические события, представляют собою специфические явления только европейской истории. В силу этого, установившееся в эпоху средних веков расхождение путей умственного развития европейских народов, с одной стороны, и народов Востока (в частности, Китая),—с другой, с наступлением нового времени не только не смягчилось, но обозначилось еще в более резкой форме. Формы хозяйственного быта и политической жизни в странах Востока, с наступлением эпохи нового времени, продолжали сохранять свои специфические особенности, что определило, в условиях жизни нового

времени, различие путей исторической эволюции между странами Востока и Запада.

Так, в Европе процесс дифференциации хозяйственной и политической жизни, обозначившийся в конце средних веков, вызвал кризис средневековой культуры, что и породило здесь движения, известные под именем Возрождения и Реформации. Внутреннее разложение средневековой культуры было связано, главным образом, с последовательным экономическим ростом городов и постепенным ростом их политического значения в жизни Зап. Европы: этот рост городов постепенно вносил здесь дифференциацию в монолитное здание средневековой культуры (28). Означенный рост городской культуры, со всем разнообразием ее специфических особенностей социально-экономического порядка, и обусловил собою углубление противопоставления Востока и Запада в новое время. Городская культура явилась ферментирующим и организующим началом в жизни европейских народов нового времени, каковое начало, однако, полностью, можно сказать, отсутствовало у народов и стран Востока эпохи XVI-XIX в. в.

Далее, на ряду с ростом городской культуры, весьма важным фактором, обусловившим собою внутреннее разложение средневековой культуры, явился факт постепенного падения папского авторитета в странах Зап. Европы: это повело к последовательному и неуклонному крушению идеологии папской теократии. Так, например, уже в политическом трактате „De monarchia“, принадлежащем великому итальянскому поэту позднего средневековья Данте (1265-1321), развивается теория всемирной светской монархии, в противоположность средневековой идеологии папской теократии, рассматривавшей всю Западную Европу, как единую „Res Publica Christiana“. Папству Данте противопоставляет другой идеал: „под влиянием широкого развития итальянской, а вслед за ней и европейской торговли

Данте воскрешает пути универсализма и космополитизма, рожденные в эпоху римской мировой державы* (29).

Расхождение интересов папской теократии и господствующих классов, особенно в эпоху позднего средневековья, сопровождалось в Зап. Европе, с одной стороны, целым рядом неблагоприятных для средневековой церкви явлений, глубоко подрывавших папский авторитет, а другой—укреплением принципа государственности, в противовес принципу церковности. Начиная с эпохи Возрождения, государство, как таковое, последовательно отнимает у средневековой церкви одну функцию за другой: школу, заботы о науке, покровительство искусству и т. д. Государство ведет борьбу с феодалами, закончившуюся крушением феодального строя. В этом отношении основные тенденции эпохи Возрождения довольно полно свое выражение нашли у известного Никколо Макиавелли (1469-1527 г. г.), политического мыслителя, связавшего свое имя в новое время с первыми попытками обоснования идеи самодовлеющего значения государства. В своей концепции государства Макиавелли устанавливает „новый базис для политической науки и, вместе с тем, эмансипирует государство от рабского положения в отношении к церкви“ (30).

Так, начиная с эпохи Возрождения, в Европе постепенно создаются новые условия хозяйственной жизни народов и новая государственная система, глубоко отличные как от экономической и государственной системы средних веков, так, равным образом, и от системы экономических взаимоотношений и форм политической жизни народов Востока.

2.—В непосредственной связи с этим фактом установки в Зап. Европе нового взгляда на значение государства в хозяйственной и политической жизни народов, нельзя не отметить также и другой факт, весьма показательный под углом зрения сопоставления стран Востока и Запада на рубеже эпохи нового времени: это—умственные движения в эпоху Возрождения.

Типические особенности означенных умственных движений вскрывают пред нами все своеобразие умственной культуры ново-европейских народов в ее отличии от умственной культуры народов Востока. „Ренессанс“, или „Возрождение“ означает возрождение классической, т. е. дохристианской, языческой древности: XIV, XV и отчасти XVI в. в Западной Европе стоят под знаком повышенного интереса к античному миру, ко всему его культурному наследию. Так, например, греческий язык, почти неизвестный Западной Европе в средние века, становится теперь необходимой составной частью высшего образования. Как мы уже отмечали выше, целый ряд византийских ученых, бежавших из Константинополя в эпоху постепенного падения последнего, закончившегося завоеванием его турками, привез с собою в Западную Европу подлинные сочинения писателей классической древности. В связи с этим, Гомер, Платон и Аристотель впервые делаются доступными для читателя Западной Европы не в искаженных переводах, но в своих подлинных текстах.

В культурно-историческом отношении эпоха Возрождения характеризуется такими чертами, которые составляют ее типическую особенность в сравнении с эпохой средних веков: совокупность этих характерных особенностей известна под именем культуры гуманизма. При этом, нельзя не отметить, что гуманизм представляет собою продукт культурного развития лишь европейских народов: основные тенденции гуманизма чужды культуре народов Востока, в частности восточно-азиатской культуре, с ее преимущественным подчеркиванием главенствующего значения за социальной организацией (семья, род, государство), а не за личностью. В качестве основной типической особенности, гуманизм эпохи Возрождения характеризуется, прежде всего, преклонением пред культурой античного мира.

Так, в Италии, а затем и в других странах Западной Европы, постепенно создаются богатые книго-

хранилища из литературных произведений классической древности. Приэтом, многие литературные шедевры древнего мира, остававшиеся потерянными в течение средних веков, были вновь открыты. Так, например, были вновь открыты считавшиеся потерянными в течение продолжительного периода времени произведения Тацита, Цицерона, Квинтилиана, Плавта, Лукреция и др. Словом, главенствующее положение в сфере умственных, образовательных и литературных интересов в эпоху Возрождения заняли греческий и латинский языки и греческая и латинская литература (31).

В особенности же необходимо подчеркнуть ту типическую черту культуры Возрождения, которая, можно сказать, полностью отсутствует в духовной культуре народов Востока: это — страстное стремление индивидуума к свободе. Человек эпохи Возрождения не хочет быть больше связанным навязываемыми ему извне идеями и нормами этического порядка. Он хочет полного, свободного развития своего собственного существа и полного, свободного проявления всех своих сил и стремлений. Так в мировоззрении нового времени последовательно создалась вера в человеческую личность, в ее силу и мощь. Приэтом, как бы ни относились по разному деятели Ренессанса к обществу, государству, церкви—отдельный человек, индивидуум неизменно служит исходной точкой как их отдельных теорий, так и их мировоззрения в целом. Отсюда, на дальнейшем протяжении истории нового времени, индивидуализм, как культурное течение, утверждающее права личности и признающее ее силу и мощь, сделался одним из основных факторов развития европейской культуры.

Приэтом, под углом зрения сравнительного сопоставления культур Востока и Запада, особенно очевидна, как мы уже отмечали выше, индивидуалистическая тенденция, индивидуалистический характер ново-европейской культуры, в сравнении с восточно-азиатской культурой. В частности, индивидуализм, легший в основу гуманистической культуры, как новый принцип

европейского мировоззрения, под другим углом зрения был усвоен и развит деятелями Реформации. В самом деле, отрицание в учениях деятелей Реформации церкви и церковной иерархии есть определенное выявление начала религиозного индивидуализма. В противоположность средневековой церкви, Реформация установила доверие к „натуральному“ человеку и признала религиозно-этическую правомерность разных видов его хозяйственной деятельности, его „мирских“ интересов, „мирского“ труда. С этой точки зрения, нельзя не признать, что Реформация в Западной Европе представляла собою определенную параллель гуманизму эпохи Возрождения, который провозгласил тот же принцип индивидуализма, хотя и на ином языке, в иной плоскости миро — и жизнепонимания.

Как известно, реформационное движение мощным потоком разлилось по всем странам Северной и Центральной Европы — в Германии, Франции, Швейцарии, Голландии, Англии, Швеции, Дании. В каждой стране реформационное движение естественно принимало специфические формы в зависимости от типических особенностей хозяйственной и культурной эволюции данной страны. Тем не менее, во всех странах, затронутых реформационным движением, в основе последнего лежало одно и то же стремление — стремление освободиться от господства средневековой католической церкви в области духовной, экономической и политической жизни (32).

Насколько Реформация оказала влияние не только в узкой, религиозной области народов Западной Европы, но и в более широкой сфере — в области экономических и политических взаимоотношений упомянутых народов, в достаточной степени явствует из факта грандиозных, по своему масштабу, религиозных войн в целом ряде государств Зап. Европы. Обычно историки определяют хронологические рамки эпохи Реформации и вызванных ею целого ряда религиозных войн в пределах 1517-1648 г. г. В означенных хронологических

рамках последним наиболее важным событием является знаменитая Тридцатилетняя война, закончившаяся Вестфальским миром 1648 года, оказавшим весьма значительное влияние не только на урегулирование чистоцерковных вопросов, но также и на пути дальнейшего экономического и политического развития государств Зап. Европы. *)

На ряду с этим, в целях сопоставления, нельзя не отметить, что такие страны старой восточной культуры, как, например, Китай, совсем не знали на протяжении своей многовековой истории религиозных войн, этого бича средневековой и, отчасти, новой Европы (33). Отсюда нельзя не видеть, что исторические судьбы стран и народов Востока и Запада на рубеже эпохи нового времени в весьма значительной мере выявляют свои специфические особенности, обусловленные фактом различия основ их экономического и культурного развития. При этом, крушение экономической и политической системы, господствовавшей в Европе на протяжении эпохи средних веков, а также и разложение самых основ европейской средневековой культуры, породили в Зап. Европе, с одной стороны, гуманистическое движение эпохи Возрождения, а с другой—реформационное движение в недрах всемогущей средневековой католической церкви.

3.—Далее, на рубеже эпохи нового времени следует отметить еще два явления весьма крупного исторического значения, как показательные для путей развития взаимоотношений в новое время между странами Востока и Запада:

- 1) зарождение в Европе новой науки и нового мировоззрения;
- 2) постепенное развитие заокеанской европейской торговли, связавшей свою судь-

*) Относительно экономических последствий Тридцатилетней войны см. сводку данных у И. М. Кулишера в его „Истории экономического быта Западной Европы“, том 11, стр. 13-15. Москва—Ленинград, 1926.

бу с широким захватом европейскими государствами колоний в других частях света.

Новое мировоззрение европейских народов выросло и развилось из совершенно иных предпосылок, чем стабилизировавшееся к эпохе нового времени мировоззрение народов Востока и, в частности, нео-конфуцианство в Китае. Это новое мировоззрение и новая наука, зародившиеся в Европе под мощным влиянием целого ряда факторов — достижений века великих открытий и изобретений, умственных и общественных движений эпохи Возрождения и эпохи Реформации, устанавливают резкую противоположность культуры нового времени средневековой культуре. В самом деле, если средневековое мировоззрение, говоря вообще, всецело покоилось на авторитетах, то новое мировоззрение, новая философия базируется, с одной стороны, на принципе свободного исследования, а с другой — на новом естествознании, основоположниками которого явились великие представители точных наук эпохи XV-XVII в. в.: Леонардо да Винчи (1452-1519), Коперник (1473-1534), Кеплер (1571-1630), Галилей (1564-1642) и др. На рубеже эпохи нового времени, наряду с разложением средневекового феодального строя и установлением новых форм общественных и хозяйственных отношений, естественно разлагается также средневековая идеология и закладывается фундамент для нового мировоззрения и новой науки.

Два основных направления характеризуют философию нового времени:

- 1) к познанию ведет только разум (рационализм),
- 2) к познанию ведет только опыт (эмпиризм).

Но как в том, так и в другом случае, в равной мере, выставляется, в качестве основного постулата, постулат безусловной свободы знания от всяких авторитетов. При этом, в отличие не только от средневековой, но и от античной философии, философия нового времени свое

преимущественное внимание заостряет на проблеме познания и метода. Вопросы происхождения и критики познания и вопросы научной методологии образуют основную тему философских изысканий мыслителей нового времени. Об этом свидетельствует уже самое заглавие главнейших произведений философского ума эпохи начала нового времени (XVII—XVIII в. в.). Таковы, например: „Рассуждение о методе“ (Декарт), „Великое восстановление наук“ (Фр. Бэкон), „Опыт о человеческом разумении“ (Локк), „Разыскания истины“ (Мальбранш), „Трактат о началах человеческого познания“ (Беркли), „Исследования человеческого разумения“ (Юм) и т. д.

Рационализм, легший в основу развития всей континентальной философии XVII—XVIII в. в. (Декарт, Спиноза, Лейбниц), характеризуется той основной своеобразной предпосылкой, которую можно определить, как веру в разум человека, как убежденность в могуществе и превосходстве разума над всеми сторонами жизни и деятельности человека (34). Словом, рационализм, как направление в философии нового времени, создал своеобразный апофеоз разума в умонастроении XVII—XVIII в. в. Под углом зрения исторического развития европейской культуры, эпоха XVII—XVIII в. в. в континентальных странах Зап. Европы—это эпоха господства рационализма, замкнувшегося в холодной, до последней возможности разреженной атмосфере чистого разума: вне разума (*ratio*) упомянутая эпоха не признавала ни истины, ни добра, ни даже—красоты.

Достаточно сказать, что, например, с точки зрения Буало (1636-1711), известного автора „L'art poétique“, основного труда эпохи XVII-XVIII в. в. по методологии поэзии, прекрасна только истина („rien n'est beau que le vrai“). Поэтому, тот, у кого „мысли окружены туманом“, тот, по Буало, не может быть поэтом. Напротив, поэтические произведения должны удовлетворять, прежде всего, двум требованиям: „ясности“ и „здоровому смыслу,“ или „разумности“. Словом, с точки зрения

Буало, всякая мысль (даже поэта) и каждое выражение ее (в том числе и поэтическое) прежде всего должны удовлетворять требованиям разума; причем, не только ученый, философ, но также и поэт должен любить разум и только разум (35).

Другое же течение европейской философии нового времени, развивавшееся на протяжении XVII-XVIII в. в., главным образом, в Англии, характеризуется особенностями, которые были суммированы родоначальником английской философии Фр. Бэконом (1561-1626 г. г.) в формуле: знание—сила (Knowledge is Power). Это значило, что, в противоположность средневековой схоластике, пробным камнем для знания в новое время должны сделаться изобретения. Другими словами, отныне ценным является только то знание, которое дает человеку силу побеждать природу. Убежденный в плодотворности установленного им нового принципа познания, Бэкон в своем маленьком, неоконченном сочинении „Новая Атлантида“, в чисто утопических чертах, нарисовал, в духе своего времени, ту грядущую культуру, которая должна возникнуть на основе заложенного им методологического фундамента научно-философского знания нового времени.

Новая Атлантида—это остров на далеком Западе. Главным центром всей страны является основанное одним старым королем естественно-историческое общество под названием „Дом Соломона“ (Solomon House), или общество шести дней работы. Цель означенного общества—„познание причин, движений и внутренних сил природы, а также расширение власти человека до границы возможного“. *) Такого рода цели естественно сообщают утилитарно-практический, технический характер всей деятельности нарисованного в утопии Бэкона „Дома Соломона“. Эта деятельность направлена, напр., на изучение метеорологических явлений

*) Fr. Bacon, The Philosophical Works, London, 1733. Vol. I, p. 291.

(снега, града, дождя, грозы и др.) с целью дать человеку возможность регулировать их. „Дом Соломона“ имеет также большие сады, в которых, однако, главное внимание обращено не на прекрасные аллеи, а на всевозможные роды почв для выращивания как уже известных, так и новых видов растений с необыкновенно прекрасными плодами. Подобный уклон в сторону борьбы и одоления человеком, при посредстве изобретенных им орудий, сил природы, т. е. уклон в сторону техницизма, характеризует и другие учреждения утопического Бэконова „Дома Соломона“. *)

Такими весьма показательными для своего времени штрихами Фр. Бэкон рисовал в „Новой Атлантиде“ наступившую новую эпоху в жизни европейских народов, как эпоху пришедшую на смену средним векам. Последующие века нового времени иллюстрируют на целом ряде примеров и фактов то несомненное положение, что провозглашенный Фр. Бэконом девиз „знание—сила“ явился мощным и действенным фактором в развитии умственных движений нового времени. При этом, означенные умственные движения вполне соответствуют тем новым путям, по которым пошло историческое развитие европейских народов, начиная с эпохи Фр. Бэкона.

Как оба указанных течения ново-европейской философии (рационализм и эмпиризм), так и новое естествознание, создали новую умственную культуру народов Европы, чрезвычайно богатую по содержанию и об'ему своего развития, каковая культура в новейшее время (XIX—XX в. в.) обнаруживает тенденцию сделаться культурой общечеловеческой. Естественно, что, под углом зрения развития и прогресса ново-европей-

*) Назовем здесь некоторые из них: Optick—Houses, Sound—Houses (с большим количеством самых разнообразных музыкальных инструментов), Perfume—Houses, Engine Houses, Mathematical House (здесь выставлены тщательно выделанные инструменты, самые разнообразные, для обслуживания работ по геометрии и астрономии). F r. V a s o n, Op. cit. Vol I, p. p. 296—298.

ской культуры, вопрос о взаимоотношении стран Востока и Запада приобретает особенный смысл и значение. При этом, в целях сопоставления культур Востока и Запада, особенно следует учитывать тот факт капитальной исторической значимости, что общий переворот в области научно-философского мышления, под знаком которого стоит начало эпохи нового времени в Европе, представляет собою, коротко говоря, замену морального мировоззрения мировоззрением физическим, или научным. *) И с этой точки зрения, между европейским мировоззрением, как проникнутым духом рационализма и базирующимся на данных точных наук, и традиционным восточно-азиатским мировоззрением, устанавливающим господствующее положение моральных принципов над логической работой мышления, естественно выявляется, начиная с эпохи XVI—XVII в. в., резкая противоположность.

4.—Но для того, чтобы выяснить характер взаимоотношения стран Востока и Запада в новое время, здесь необходимо, помимо определения основ и особенностей европейской культуры нового времени, коснуться также вопроса об условиях экономического развития народов Европы в новое время, в сравнении с таковым же развитием стран и народов Востока. В связи с этим, здесь нельзя не отметить, что, с точки зрения развития хозяйственной жизни европейских народов, переход от эпохи средних веков к новому времени стоит в тесной связи с путями развития европейского торгового капитала. Как известно, в средние века торговля между Западной Европой и Ближним Востоком сосредоточивалась на Средиземном море, что вызвало гегемонию итальянцев в этой торговле (Венеция, Генуя, Флоренция). Между тем, потребность в благородных

*) См. Е. Спекторский. Проблема социальной физики в XVII столетии. 1 том. Новое мировоззрение и новая теория науки. Варшава. 1910, стр. 39 и дал.

металлах, как универсальном орудии обмена, в связи с развитием денежного хозяйства в Европе и ростом международных торговых связей, возрастала все более и более.

Отсюда естественно, что уже в эпоху позднего средневековья в Зап. Европе чрезвычайно настойчиво стало проявляться стремление проникнуть в страны Дальнего Востока, особенно в Индию, о сказочных богатствах которой в Европе издавна распространялись всякого рода легенды. Век великих открытий и стоит в тесной связи с этими поисками, со стороны европейских народов, путей в страны Дальнего Востока, что, в свою очередь, дало толчок к колониальному развитию главных государств Зап. Европы. Приэтом, колониальная экспансия государств европейской культуры сопровождается постепенным передвижением торговых путей со Средиземного моря к Атлантическому океану и, в конце концов, к Тихому океану. Таким образом, эпоха нового времени начинается под знаком развития новых торговых путей в мировом масштабе, с одной стороны, и глубокого умственного пробуждения европейских народов,—с другой.

Захваты колоний со стороны европейских государств и быстрый рост колониального могущества главных из этих государств привели к тому, что взаимоотношения народов Запада с народами Востока в новое время приняли крайне ненормальный характер: в эту именно эпоху среди европейских народов укрепился взгляд на народы колониальных и полуколониальных стран Востока, как на народы низшие по своей природе сравнительно с народами Запада. Приэтом, в связи с открытием новых стран и прямых морских путей на Дальний Восток, средиземноморская торговля окончательно потеряла свое бывшее значение, и в мировой торговле главенствующую роль начинают играть прибрежные в отношении Атлантического океана страны: сначала Португалия и Испания, а затем—Голлан-

дия, Франция и Англия. *) Колониальная политика означенных европейских государств и определила в дальнейшем характер и пути взаимоотношений между странами Востока и Запада.

Эта колониальная политика служила целям экспансии европейского торгового капитала. Основывая колонии, европейские государства имели ввиду эксплуатировать сырье, добываемое в колониях. Сюда относится, прежде всего, разработка, при посредстве рабского, или полусвободного труда, сахарных, табачных и кофейных плантаций. В дальнейшем же, в колониях стали разрабатываться и другие природные богатства их; а на ряду с этим, колонии стали предназначаться для ввоза фабрикатов из метрополий, так как обрабатывающая промышленность в колониях была запрещена (36). При этом, что касается положения туземного населения в колониях, то оно с самого начала основания европейскими государствами своих колоний было чрезвычайно безотрадное: как общее правило, туземное население колониальных стран испытывало всяческие притеснения со стороны европейских колониальных властей, включительно до обращения в рабское состояние (37).

В условиях такого рода специфических особенностей колониального развития европейских государств, естественно, в скором времени не могли не выявиться отрицательные результаты колониальных захватов со стороны народов европейской культуры: режим хищничества и эксплуатации со стороны означенных народов в своих колониях содействовал тому, что традиционное противопоставление Востока и Запада окончательно стало обозначать утверждение превосход-

*) Принято считать, что „первую эпоху в истории торговли XVI-XVIII в. в. составляет португальско-испанский период (приблизительно до 1600 г.), вторую—голландско-английский (XVII-XVIII в. в.), и в результате победительницей остается Англия, которая к концу XVIII в. является первой торговой державой.“ И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, том 11, стр. 127.

ства и господствующего положения народов Запад над народами Востока. Приэтом, понятие „Восток“ со временем фактически перерасло простое географическое обозначение стран по меридианам. Хотя, до известной степени, означенное понятие всегда и приурочивалось к градусной сетке, тем не менее, в связи со специфическими особенностями колониальной политики европейских народов, в новое время с понятием „Восток“ стало ассоциироваться, прежде всего, представление о странах и народах, вошедших в орбиту колониальных захватов и режима колониальной политики европейских государств. Это — с одной стороны; а с другой — в новое время определенно выявилось также противопоставление и, на ряду с этим, утверждение превосходства культуры Запада, или европейской культуры, над культурой Востока, т. е. над культурой тех стран и народов, развитие жизни которых исторически шло своими, особыми путями, отличными от путей культурного развития народов Европы.

В течение ряда столетий, благодаря колониальной торговле, в странах Зап. Европы происходило так называемое „первоначальное накопление“ капитала. Так, развитие колониальной торговли вызвало к жизни в Зап. Европе образование крупных заокеанских акционерных торговых компаний. Среди последних наиболее важное значение в колониальной торговле получили две компании: 1) английская Ост-Индская компания, возникшая (сначала под именем „Лондонской Компании“) в 1600 году, и 2) голландская Ост-Индская компания, получившая свое начало в 1602 году. В дальнейшем же, на исторические судьбы колониального развития народов и стран европейской культуры большое влияние оказала индустриальная революция. Индустриальная революция возникла в Англии в последней четверти XVIII в.; после 1815 года эта революция охватила страны континента Европы и САСШ, а в нашу эпоху она победоносно идет в

страны, прежде считавшиеся наиболее отдаленными от центра цивилизованного мира.

Индустриальная революция, прежде всего, дала толчек к широкому развитию на протяжении XIX в. фабрично-заводской промышленности в большинстве стран Европы и в САСШ. На ряду с этим, означенный рост фабрично-заводской промышленности в странах европейской культуры постепенно обострил вопрос о внешних рынках сбыта товарной продукции промышленных стран Европы и САСШ. Словом, индустриализация стран европейской культуры усилила экономическое давление на внешнюю политику европейских государств, что, в свою очередь, содействовало дальнейшему росту на протяжении XIX века колониальной экспансии стран европейской культуры; причем, в сферу этой экспансии постепенно стали входить, в частности, и страны Дальнего Востока.

Дело в том, что капиталистическое развитие главнейших государств европейской культуры, как известно, начиная со второй половины (с 70-х г. г.) XIX века вступило в фазу роста монополий и финансового капитала; а это, в свою очередь, обусловило собою империалистическую политику означенных государств в отношении стран колониальных, полуколониальных, или отсталых в экономическом отношении стран. При этом, из стран Дальнего Востока международные отношения Китая за период времени XVI-XIX в. в. служат лучшей иллюстрацией того, в какие формы постепенно вылились взаимоотношения стран Востока и Запада в новейшее время.

5.— Чтобы яснее представить себе значение этого факта капитальной исторической значимости, следует иметь ввиду, что Китай, гордый своей древней культурой, в эпоху нового времени сам не искал установления путей торговой связи с народами европейской культуры; к тому же, в экономическом отношении, Китай эпохи XVI-XVIII и начала XIX в. в. представлял собою, можно сказать, самодовлеющий хозяйственный

организм, огромный по масштабу своей жизни и деятельности. Отсюда до 1842 года, года заключения Нанкинского договора между Китаем и Англией, Китай не имел нормальных торговых и дипломатических взаимоотношений, в соответствии с нормами действующего международного права, с народами Зап. Европы (38). И это несмотря на крайнюю настойчивость, которую проявляли в течение приблизительно трехсот лет (с начала XVI века до 1842 года) последовательно все главные государства Западной Европы, владевшие большими колониями в разных частях света—Португалия, Испания, Голландия, Англия, Франция: самозамкнутость в хозяйственном отношении и вековая культурно-бытовая отчужденность Китая стояли камнем преткновения на пути установления связи между ним и странами европейской культуры,

Эта самозамкнутость и отчужденность Китая в рассматриваемую эпоху (XVI-XVIII и начала XIX в. в.) достигли своего кульминационного пункта, что совпало в исторической жизни Китая, с одной стороны, с прекращением набегов на его окраинные территории со стороны северных кочевых и полукочевых народов („северных варваров“), а с другой—с эпохой стабилизации государственного строя и государственной идеологии (нео-конфуцианства) Китая. Приэтом, в качестве характерной особенности, нельзя не отметить того факта, что все попытки вышеуказанных европейских государств, в частности Голландии и Англии, установить регулярные торговые связи и нормальные дипломатические отношения с Китаем, путем командировки специальных посольств в Пекин, неизменно оканчивались неудачей.

Так, например, голландские посольства, отправленные, после всякого рода длинных переговоров и взяток китайским властям в Кантоне, в Пекин в 1655 г., 1664 г. и 1695 г., не дали ничего положительного в отношении Голландии и скорее сопровождались даже отрицательными результатами: в Пекине Голландию

рассматривали, как „вассальное“ государство, на ряду с Сиамом и Кореей, и от послов требовали 9-ти кратных земных поклонов („кэ—тоу“) пред богдыханом (39). Равным образом, неудачными были попытки установить нормальные, в соответствии с действующим международным правом, торговые и дипломатические отношения с Китаем и со стороны Англии. И это несмотря на то, что для достижения означенной цели английское правительство в конце XVIII в. и в первой четверти XIX в. посылало в Китай специальные посольства: посольство лорда Макартнея в 1795 г. и посольство лорда Амхэрста в 1816 г.

Такого рода неурегулированность торговых и дипломатических отношений между Китаем и европейскими государствами, в частности с Англией, совпала в первой четверти XIX в. с эпохой активизации английской торговой политики на Дальнем Востоке. Эта активизация торговой политики Англии была обусловлена, с одной стороны, быстрым ростом, начиная с конца XVIII в., английской фабрично-заводской промышленности, а с другой—принятием в 1822, 1823 и 1824 г. г. английским парламентом трех новых законов о мореплавании, устанавливавших значительную свободу в области торговли между Англией, ее колониями и другими странами (40). В таких условиях английские коммерсанты, на путях поисков новых рынков для сбыта товаров быстро развивавшейся промышленности своей страны, и столкнулись с теми препятствиями, которые издавна существовали для иностранной торговли в Китае.

Вызванная активизацией английской торговой политики на Дальнем Востоке война 1839 года между Англией и Китаем своим внешним поводом имела факт конфискации китайскими властями у английских купцов в Кантоне опия в количестве 20 291 ящика; причем означенный опиум китайскими властями был уничтожен. Война эта, известная в истории под именем „опийной“ войны, продолжалась около 3-х лет и закончилась

Нанкинским договором 1842 года (41). Рассматривая первую англо-китайскую войну 1839-1842 г. г. в исторической перспективе взаимоотношений стран и народов Востока и Запада, нельзя не признать, что как самая война эта, так и Нанкинский договор 1842 г., имеют значение своего рода радикального поворотного пункта в международных отношениях Китая. После Нанкинского договора 1842 г. Китай постепенно вошел в сферу торговых связей и международного общения с народами европейской культуры, но только на основе так называемых неравных договоров, т. е. международных договоров, согласно которым одна из сторон (в данном случае Китай) признавала себя неравноправным (правда, в силу принуждения) членом международного общения.

В неравных договорах, заключенных Китаем сначала с Англией, а затем и с большинством других народов европейской культуры, особенно рельефно отразился дух традиционного понимания европейскими народами характера взаимоотношений между странами Востока и Запада: Китай, несмотря на свою тысячелетнюю культуру, на основе неравных договоров оказался на положении неравноправного члена единой семьи народов. В самом деле, согласно Нанкинскому договору, в частности, радикально изменялось положение английских торговцев в Китае, которые до заключения этого договора, на ряду со всеми другими европейцами, производили торговлю с Китаем лишь только в одном пункте—в Кантоне; причем, означенная торговля официально ничем не регулировалась, так как Китай неоднократно противился заключению каких-либо формальных соглашений международного характера с европейскими государствами.

6.—Факт заключения Нанкинского договора знаменовал собою „открытие Китая“ для иностранной и, в частности, для морской торговли. Это „открытие“ Китая для торговли с народами европейской культуры вскоре было подтверждено также целым рядом новых

международных договоров. В самом деле, последующие договоры Китая с САСШ (1844 г.), Францией (1844 г.) и с Швецией-Норвегией (1847 г.), а также „императорский эдикт о торговых привилегиях бельгийцев (1845 г.) распространили права, добытые англичанами, и на эти народы и поставили иностранцев вместо неполноправного в решительно привилегированное положение.“*) Отсюда вся хозяйственная жизнь Китая, при наличии неравных международных договоров, оказалась в тисках „иммунитетов“ и целого ряда „привилегий“ народов европейской культуры, так как эти договоры были продиктованы целями постепенного экономического завоевания, со стороны капиталистических государств народов европейской культуры, огромного китайского рынка.

Под углом зрения проблемы взаимоотношения Востока и Запада успехи в странах Европы индустриальной революции, вызвавшей интенсивный процесс индустриализации, на протяжении XIX в., означенных стран, сыграли значение крупнейшего исторического фактора: индустриализация главных государств Европы и САСШ обусловила собою активизацию их торговой политики на Дальнем Востоке. А это последнее, в свою очередь, обусловило заключение, со стороны народов европейской культуры, целого ряда неравных договоров с Китаем, что в корне изменило положение стран Восточной Азии в отношении капиталистических государств народов европейской культуры. Естественно, что, в условиях реализации вышеуказанных неравных международных договоров, Китай в течение второй половины XIX в. постепенно теряет свое бывшее господствующее, в экономической и культурно-политической жизни стран Восточной Азии, положение: на ряду с этим, в статические условия экономической, политической и культурной жизни Китая вторгся Запад со своею

*) Э. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), стр. 7.

динамической экономикой, империалистической политикой и рационалистической культурой.

Нет ничего удивительного в том, что, в результате проведения в жизнь неравных международных договоров, Китай в течение второй половины XIX в. постепенно переходит на положение страны полукOLONиальной, зависимой от европейско-американского капитала. Говоря вообще, империалистическая политика государств европейской культуры во второй половине XIX в. стала интересоваться странами Востока, в том числе и Китаем, главным образом с точки зрения размещения в означенных странах своих свободных капиталов и развития в них, как в странах еще не затронутых индустриальной революцией, их богатых производительных сил.

...

...

V.

ВОСТОК И ЗАПАД КАК ПРОБЛЕМА НАШЕЙ ЭПОХИ.

1. Крушение в XIX веке традиционной изоляции стран Восточной Азии от стран и народов европейской культуры.
 2. Судьбы старой восточно-азиатской культуры в век техники и индустрии.
 3. Обострение борьбы двух культур в современном Китае.
 4. Техника, индустриализация и народы Восточной Азии.
 5. Тихоокеанский вопрос и проблема взаимоотношения Востока и Запада.
-

ВОСТОК И ЗАПАД КАК ПРОБЛЕМА НАШЕЙ ЭПОХИ.

1. Мысль о Востоке и Западе в последние десятилетия стала
 особенно актуальной. Это связано с тем, что в настоящее время
 мы живем в эпоху, когда границы между Востоком и Западом
 становятся все более размытыми. Восток и Запад
 перестают быть чуждыми друг другу, они начинают
 взаимодействовать, обмениваться опытом и знаниями.
 Это взаимодействие происходит на всех уровнях: от
 культуры и искусства до науки и техники. Восток и Запад
 становятся двумя сторонами одной медали, двумя
 полюсами, которые вместе составляют нашу современную
 цивилизацию.

Восток и Запад — это не просто географические
 названия, это две разные культуры, две разные
 системы ценностей. Восток — это культура, основанная
 на коллективизме, на уважении к старшим, на
 гармонии с природой. Запад — это культура, основанная
 на индивидуализме, на уважении к личности, на
 прогрессе и развитии. Восток и Запад — это две
 противоположности, которые вместе составляют нашу
 современную цивилизацию. Мы должны научиться
 понимать друг друга, учиться друг у друга, чтобы
 вместе построить лучшее будущее для нашей планеты.

1.—Совершенно очевидным является тот факт, что Нанкинский договор 1842 г. представляет собою решительный поворотный пункт в истории международных отношений на Дальнем Востоке. В связи с этим, следует отметить и вторую дату весьма крупного значения в развитии новейших международных отношений на Дальнем Востоке: это—1858 г., год заключения Китаем Тяньцзинского договора, имевшего место в результате второй англо-китайской войны (1856-1858 г. г.); причем, Тяньцзинский договор 1858 г. сопровождался дополнительной Пекинской конвенцией 1860 г., подтверждавшей и расширявшей постановления Тяньцзинского договора. А в дальнейшем, помимо заключения ряда неравных договоров с Англией, САСШ, Францией, Швецией-Норвегией и Россией, Китай на протяжении следующего десятилетия (1860-1870 г. г.) вынужден был заключить неравные договоры также и с другими европейскими государствами: с Португалией (1862 г.), Данией и Голландией (1863 г.), Испанией (1864 г.), Италией (1866 г.) и Австро-Венгрией (1869 г.). На ряду с этим, в Пекине были учреждены постоянные посольства европейских держав, а в европейских столицах—постоянные китайские посольства.

Таким образом, „открытие Китая“ сопровождалось крушением традиционной изоляции его от стран и народов европейской культуры. Традиционная самозамкнутость и отчужденность Китая уступили место новым путям его взаимоотношения с народами европейской культуры. Эти пути определились рамками неравных договоров (число которых в последующие десятилетия увеличилось еще более), предоставивших народам европейской культуры целый ряд привилегий в отношении Китая, а именно:

- 1) открытие ряда портов для иностранной торговли,
- 2) право иностранцев на поселение в этих портах,
- 3) право ведения иностранцами в открытых портах торговой и промышленной деятельности,
- 4) право передвижения по всей территории Китая с торговыми целями,
- 5) право выгрузки товаров в так называемых портах захода,
- 6) право плавания иностранных судов по внутренним водам Китая,
- 7) экстерриториальность иностранцев и иностранное управление в целом ряде иностранных селтльментов (это — так называемые иностранные концессии в городах Китая),
- 8) таможенное обложение по раз установленным неизменным (минимальным) ставкам,
- 9) особый налоговый режим для иностранцев,
- 10) предоставление иностранным державам всего того, что связано с так называемым принципом „наибольшего благоприятствования“ (42).

„Открытие Китая“, с исторической точки зрения, сыграло большую роль на путях установления торговых связей стран европейской культуры со странами Восточной Азии: это можно видеть уже из того факта, что, вслед за „открытием Китая“ в 1842 году, последовало подобное же „открытие“ для иностранной торговли другого весьма важного, в международном отношении, государства Восточной Азии — Японии. „Открытие Японии“ обычно датируется 1853 г., когда САСШ вступили в окончательные переговоры с Японией об открытии ее портов. Это указывает, что между двумя крупнейшими событиями (между „открытием Китая“, с одной стороны, и „открытием Японии“, — с другой) новейшей истории Восточной Азии истек совсем небольшой срок времени в 10-11 лет. Не менее замкнутая в своей предшествующей исторической жизни, чем и Ки-

тай, Япония вынуждена была в 1853 году согласиться на открытие своих портов для иностранной торговли.

Под углом зрения новейшей истории международных отношений и мировой торговли, является вполне понятным тот факт, что, в связи с усилением, благодаря заключению неравных договоров, торговых связей народов европейской культуры с Китаем, их внимание стала привлекать к себе также и изолированная в то время от всего внешнего мира Япония. В связи с этим, был предпринят ряд попыток, сначала неудачных, со стороны России, Англии и САСШ завязать торговые сношения с Японией*). В конце концов, САСШ которые были особенно заинтересованы в „открытии Японии“, лежавшей в то время на морских путях их торговой связи с Китаем, потребовали в 1853 году от Японии открытия своих портов для иностранной торговли и с успехом добились своей цели.

Дело в том, что упомянутое требование САСШ подкрепили посылкой к берегам Японии своего военного флота под командою коммодора Перри. В результате такого рода давления со стороны САСШ, Япония и выразила свое согласие заключить первый международный договор с этой страной. В этом договоре, заключенном 31-го марта 1854 г., Япония согласилась открыть для американских граждан порты Симода и Хакодате; а затем, вслед за САСШ, такого же рода договоры Япония заключила с Россией, Англией, Францией и другими европейскими державами**). Таким путем соединенными усилиями европейских государств и САСШ был положен конец традиционной

*) Историю этих попыток см. у James Murdoch. A History of Japan. London, 1926, Vol. III, p. p. 497-536, 569-662; Yosoburo Takekoshi, The Economic Aspects of the History of the civilization of Japan. London, 1930. Vol III p. p. 179-197, 288-291.

***) См. текст договоров, заключенных европейскими державами с Японией в 50-х годах прошлого столетия, у James Murdoch. Op. cit, Vol, III, p. p. 605, 626—627; у Э. Гримма. Op. cit. стр. 50-54.

изоляции другого, помимо Китая, важнейшего государства Восточной Азии—Японии: „с развитием Америки и укреплением западно-европейских держав в Китае, с широкой актуальностью России на берегах Тихого океана, Япония неизбежно должна была вовлечься в международный политический круговорот“. *)

Правда, в дальнейшем процесс развития внешних торговых связей и международных отношений Японии с народами европейской культуры пошел по другому пути в сравнении с Китаем: пережив на протяжении 15 лет—с 1853 по 1868 г. г. ряд внутренних движений весьма крупного исторического значения, Япония, начиная с 1868 г., вступила в новую эру своего исторического существования, последовательно заняв в мировой торговле и в международных отношениях положение одного из наиболее крупных индустриализованных государств: даже еще „пятьдесят лет тому назад Япония была *terra incognita*, или простым географическим наименованием; но в настоящее время она—почтенный член, с большим удельным весом, семьи народов“. **)

2.—Крушение, в связи с установлением новейших международных отношений Китая и Японии, традиционной изоляции стран Восточной Азии от стран и народов европейской культуры, естественно, отразилось на исторических судьбах старой восточной культуры. Дело в том, что, в связи с вовлечением в международный экономический и политический круговорот стран Восточной Азии, пред такими странами, как Япония и Китай, последовательно выявилась настоятельная задача догнать в своем хозяйственном развитии индустриальные страны народов европейской культуры. Так, например, если сравнивать Японию, как островную империю, эпохи 50-х годов XIX в. с Ан-

*) Н. И Конрад. Япония. — Народ и государство. Петроград, 1923, стр. 153.

**) J a p a n — M a n c h o u k i o Y e a r B o o k, Tokyo, 1934, p. 19.

глией XVI в., то нельзя будет не признать, что Англия, хотя и являлась в XVI в. европейской окраиной, тем не менее стояла в ту эпоху на более высокой ступени хозяйственного развития, нежели Япония в половине XIX в. Поэтому, когда, после крушения традиционной изоляции, Япония вступила на путь индустриализации, она „встретилась с необходимостью наверстать отставание не за сто лет, а за три столетия. Ей было необходимо совершить почти сразу те перемены, которые в Англии потребовали трех столетий“ (43).

В частности, для Японии эпохи начала второй половины XIX столетия характерным является взгляд на европеизацию, как на меру национальной защиты. „Открытие“ страны для иностранцев Япония рассматривала как необходимое мероприятие, непосредственно вытекающее из факта технического превосходства цивилизации Запада. А в связи с этим, лучшим из возможных способов защиты страны Япония признала наиболее быстрое усвоение всего, что могло быть предложено для нее в этой области Западом (44). При этом, в качестве характерной особенности, нельзя, например, не признать такого рода весьма показательный факт: „один из пяти пунктов императорской присяги в период реставрации гласил, что следует по всему миру искать знаний для поднятия благосостояния империи“ (45). Естественно, что это искание „знаний по всему миру“ должно было последовательно поставить Японию на новые рельсы ее хозяйственного и культурного развития.

Если, как мы уже неоднократно отмечали выше, основную особенность старой восточно-азиатской культуры является главенствующее положение в системе этой культуры социальной организации (семьи, государства), в ущерб интересам личности, то нельзя будет не признать, что обусловленный целым рядом событий второй половины XIX века переход Китая и Японии на новые рельсы их хозяйственного и куль-

турного развития представляется фактом чрезвычайно крупной исторической значимости. Это последнее видно уже из того, что ново-европейская культура, которую быстро стали усваивать Китай и особенно Япония, в своей основе характеризуется диаметрально противоположными особенностями в сравнении со старой восточно-азиатской культурой: в противоположность последней ново-европейская культура в основных своих истоках — культура индивидуалистическая, культура личности.

Это скрещивание в новейшее время в жизни Китая и Японии двух культур — старой, восточно-азиатской и новой, европейской своим результатом имеет факт экономической и социальной трансформации той и другой страны. При этом, ввиду чрезвычайной населенности Китая (кругло — 400 миллионов), общие данные и отдельные факты, характеризующие экономическую и социальную трансформацию современного Китая, заслуживают особенного внимания. В самом деле, в современном Китае, под знаком экономической и социальной трансформации, идет настойчивая ломка старых форм хозяйственной и культурной-бытовой жизни. Эта ломка, направляясь от центра страны к ее перифериям, вовлекает здесь и будет вовлекать все большие и большие народные массы многомиллионного населения страны.

Ломка хозяйственных и социальных основ, составлявших уклад жизни старого Китая, уже и теперь захватывает здесь огромные человеческие массы. Современный Китай живет и развивается под знаком новых веяний, новых устремлений: в этой огромной стране постепенно выкристаллизовываются новые взгляды, новые устои в хозяйственном и культурно-общественном строительстве. Лучшим доказательством этой ломки старых основ в жизни современного Китая служит его новая образовательная система, представляющая собою подражание европейским и особенно американ-

ским образцам. *) Насколько высоко ценятся эти образцы в современном Китае, об этом может, например, свидетельствовать факт усиленной тяги китайской молодежи, представителей нарождающейся китайской буржуазии, учиться за границей, особенно в Америке (см. статьи в шанхайском американском журнале *The China Weekly Review*: „Китай—самый крупный клиент Америки в смысле получения от американских университетов степеней доктора философии“, от 27 июня 1931 г.; „Свыше двухсот китайцев получили весной текущего года ученые степени в САСШ“—от 11 июля 1931 г.).

Господствующие в современном Китае взгляды на значение для молодого поколения страны американского образования с его ультра-практическими тенденциями и своеобразным культом машин свое эффективное выражение находят, например, в журнальных статьях и публичных выступлениях одного из наиболее крупных представителей современной университетской философии и науки в Китае—проф. Ху Ши, автора уже цитированного нами выше труда под заглавием „Развитие логического метода в древнем Китае“. Проф. Ху Ши получил образование в Америке и является глубоким поклонником современной европейско-американской материальной цивилизации. По его словам, эпоха материальной цивилизации на Западе принесла людям так много личной свободы, а в так называемой духовной цивилизации Азии до сих пор еще царит рабство, узость, пустота, понижение человеческой энергии, хаос. „Духовная цивилизация Востока! Нет никакой духовной цивилизации там,—говорит он,—где миллионы рабов, а богатые люди тратят большинство своих дней совершенно понапрасну, прилагая усилия только к тому, чтобы впустую проводить жизнь“ (см. нашу статью: *Современный Китай и Европейская культура*, стр. 135).

*) См. некоторые детали в нашем очерке: *Школа и умственные движения в современном Китае*. Харбин 1932.

Поэтому Ху Ши считает, что для современного Китая необходимо принять участие в благах, доставляемых людям материальной цивилизацией Запада: вслед за народами европейской культуры, для Китая необходимо пользоваться паром, электричеством, строить железные дороги, пароходы, развивать текстильную промышленность, вводить всякого рода сельскохозяйственные машины в земледельческих районах страны. Отсюда естественно, что Ху Ши признает большое значение для молодого Китая за американизмом с его ультра—практическими тенденциями, своеобразным темпом жизни и своего рода культом машин.

Так, например, в одной из своих речей, обращенных к китайским учащимся, Ху Ши развивает следующие взгляды. „Если бы я был студентом,—говорит он,—который имел бы полную свободу составить план своих занятий за границей еще один раз, я опять отправился бы в Америку по следующему весьма важному основанию: Америка молода, в то время как Китай стар. И в дополнение к нашей школьной образовательной системе было бы желательно для нас ассимилировать некоторые качества, которые свойственны юному возрасту и которых не достает в нашем возрасте,—таковы: дух любознательности, оптимизм и энергия“ (См. нашу статью: Новый Дальний Восток, стр. 276).

Что касается современной Японии, то здесь скрещивание старой, восточно-азиатской культуры с новой, европейской также обусловило собою процесс экономической и социальной трансформации страны. Но, в отличие от Китая, этот процесс в жизни Японии не породил, говоря вообще, того радикального отрыва от традиционных основ культурно-бытовой жизни, который имеет место в современном Китае. Поэтому, можно говорить о наличии в современной Японии двух культур—старой и новой, двух течений жизни—старого и нового течения; причем, основной тенденцией, которая характеризует современную Японию, является „борьба за об'единение старой и новой жиз-

ни" (46). В частности, показателем последнего рода тенденции может служить и действующая в настоящее время образовательная система Японии.

Новая образовательная система Японии, созданная по европейским и американским образцам, имеет давность уже около 63-х лет. *) Уделяя большое внимание техническому и вообще всякого рода прикладному образованию, японская образовательная система, тем не менее, имеет одну специфическую особенность, которая тесно связывает ее с традициями страны: это — преподавание в школе морали, как отдельного предмета, по специально разработанной программе. При этом, мораль в японской школе является основным предметом преподавания, на который отводится или шесть, или пять уроков в неделю как в начальной и в высшей начальной школе, так равным образом в средней школе и в специальных учебных заведениях. Цель преподавания морали состоит в том, чтобы „воспитать нравственный характер и руководить детьми в деле воплощения морального учения в жизни“; при этом, основными принципами морального воспитания в японской школе признаются: „сыновняя почтительность, братская любовь, милосердие, бережливость, искренность, почтительность, любовь к родине и преданность монарху“ (47).

3.—Между тем, как мы уже отмечали, вовлечение в орбиту мирового хозяйства такой огромной и густо населенной страны, как Китай, более остро, в сравнении с Японией, ставит вопрос о судьбах старой восточно-азиатской культуры. Дело в том, что старый порядок в Китае столь серьезно дискредитировал себя, что его следует считать обреченным на отмирание. В связи с этим, для молодого Китая, как справедливо отмечает Ху Ши, требуется вера в действительное значение европейско-американской цивилизации, идущей на

*) Начальной датой установления новой образовательной системы в Японии считается 1872 г. См. J a r a n — M a n s h o u k i o Y e a r B o o k, Токуо, 1934, p. 165.

смену старой китайской культуры: такого рода вера,— говорит он,—должна „зажечь и внушить непреодолимое желание разрубить все узлы культурного конфликта мощным движением в сторону усвоения этой научной, технологической и демократической цивилизации новейшего времени“. *)

В частности, нельзя не отметить того положения, что на путях ломки старых основ хозяйственной и культурной жизни Китая приобретает особенный смысл и значение факт агрессивного внедрения в хозяйственную жизнь этой огромной страны европейско-американского и японского капитала с его крупными инвестициями в железнодорожный транспорт, в тяжелую и легкую промышленность, с его банками и системой кредита и т. д. В связи с этим, внешние условия жизни в тех городских центрах Китая, где происходит наиболее близкое соприкосновение китайцев с народами европейской культуры, представляют собою весьма благоприятные условия для отрыва Китая от традиционных путей его исторического развития. Это—так называемые договорные порты, т. е. порты и города Китая, открытые, согласно международным договорам, для торговли иностранцев.

Дѣло, в том, что жизнь означенных городов (достаточно здесь упомянуть Шанхай, Тяньцзин, Кантон, Ханькоу) протекает в своеобразных условиях вторжения международного капитала и его представителей не только в экономическую, но и во внутреннюю, в широком смысле этого слова, жизнь Китая. Иностранные сэттльменты договорных портов, возникшие на основе и под охраню неравных договоров, в то же время явились для Китая своего рода практической школой новых путей в области торговли, в сфере экономических и общественных взаимоотношений; причем, влия-

*) См. публичную лекцию Ху Ши: „The Conflict of Culturs in China“, в газете Peking and Tientsin Times of 11 ноября 1932 г. Сравн. также ряд небольших статей на общую тему: „China's Revolt against the Old Order“. Current History, June (p.p. 337-433), 1927.

ние иностранных селтльментов, явившихся своего рода оазисами капиталистического хозяйства в Китае, распространяется все более и более вглубь страны. В частности, усвоенный иностранными селтльментами темп жизни в духе американского „бизнесмэнства“, естественно, оказал особенно значительное влияние на новейшие поколения Китая.

И вообще агрессивно настроенный в отношении Китая Запад властно оказывает свое влияние на самые разнообразные стороны жизни последнего. Известный американский профессор педагогики (Колумбийский университет, Нью-Йорк.) П. Монро, несколько раз посетивший Срединную Республику и хорошо ознакомившийся с ее умственными и образовательными движениями, характеризует под этим углом зрения современный Китай, как страну находящуюся в состоянии эволюции *). В частности, давая характеристику новейших умственных движений в Китае, П. Монро отмечает наличие скептицизма в верхушечных слоях современного китайского общества; причем, этот скептицизм распространяется не только на традиционные китайские взгляды, обычаи и учреждения, но и на некоторые стороны Западной цивилизации. Вообще в Китае, по его наблюдениям, в настоящее время „вся нация охвачена некоторым интеллектуальным пробуждением, влекущим ее к новой жизни“. (P a u l M o n r o e. Op. cit., p. 6).

Этот процесс роста нового Китая, столь характерный для нашей эпохи, дает основание другому иностранному автору, многолетнему наблюдателю жизни Китая, дать такую характеристику Китая наших дней: „Современный Китай,—говорит он,—не может быть назван старым человеком и старым зданием: это, с одной стороны, молодой человек, а с другой—руины.

*) P a u l M o n r o e. China: A Nation in Evolution. New York, 1928 (см. нашу библиографическую заметку об этой книге в журнале „Вестник Маньчжурии“. Харбин. 1929 г. № 4).

И справедливость такого рода утверждения может быть легко обоснована беглым обзором того, как далеко идеи молодого Китая проникли в народные массы* *).

Это значит, что в центре и на периферии всей огромной территории Китая, в глубинных пластах 400-миллионного его населения совершаются процессы, которые имеют значение некоего „бродила“, вызывающего побег новой жизни.

Тот основной факт, под углом зрения которого становится понятным обострение борьбы двух культур — старой и новой в жизни современного Китая, есть нечто иное, как факт незаконченности революции, происшедшей в Китае в 1911 г. Как известно, в китайской революции 1911 года не оказалось достаточных сил для проведения в жизнь сколько-нибудь серьезных социально-экономических реформ. В связи с этим, становится вполне понятным то место в «Завещании» д-ра Сун Ят-сена, где говорится, что в Китае «революция еще не закончена». Таким образом, не подлежит сомнению, что современный Китай переживает переходный период своей истории со всеми характерными особенностями такового периода; и следовательно, можно говорить о „культурном конфликте“, или „борьбе двух культур“ в современном Китае. „Проблема Китая, как я ее рассматриваю,—говорит, например, Ху Ши,—есть проблема культурного конфликта. Старый порядок потерпел неудачу в разрешении серьезных затруднений, которые Китай встретил на своем пути; а новый порядок еще не укрепился. Это и составляет проблему“ (48).

5.—Современная нам эпоха—это век технологии, век необычайного, никогда еще невиданного в истории роста той искусственной технической среды, которую человек поставил между собою и природою. Изобретения и применение техники наложили громад-

*) J o h n F o s t e r. Chinese Realities, p. p. 47-48.

ный отпечаток на всю современную жизнь во всех странах света. Значительность нашей эпохи, рассматриваемой в широкой исторической перспективе, и определяется тем, что существует своего рода „водораздел“ между мировоззрением нашей эпохи и мировоззрением предшествующей эпохи нового времени. Наличие этого „водораздела“ обусловлено как крупными сдвигами в области хозяйственных и социальных отношений современных народов вообще, так и фактом вхождения и внедрения в хозяйственную жизнь нашей эпохи машины—в особенности.

Приэтом, чрезвычайно показательным следует признать последовательное внедрение машины в хозяйственную жизнь стран и народов не только Запада но и Востока. Общеизвестен, например, факт быстрого экономического развития Японии: в настоящее время Япония является одной из крупнейших в мире индустриальных стран (49). Приэтом, характерной особенностью экономической системы Японии является широкое участие правительства в развитии промышленности страны. Так как самое зарождение новой Японии в 1868 г. было обусловлено взглядом правительства на европеизацию страны, как на меру национальной защиты, то вполне естественно, что с самого начала правительство должно было принять на себя руководящую роль в этом процессе.

Характерную особенность развития японской промышленности и определяет тот факт, что в Японии правительство само взяло на себя задачу индустриализации страны, поскольку оно искало „знаний по всему миру“; правительство само „решало, какие предприятия необходимо основать; оно основывало их, или снабжало капиталом для этой цели частные компании; оно поощряло овладение техникой и наукой; оно привозило из-заграницы инструкторов для новых отраслей промышленности. В первое время правительство играло во всем этом настолько значительную роль, что впоследствии оно уже никак не могло освободить-

ся от участия в индустриализации" (Дж. Орчард. Экономическое развитие Японии, стр. 134). В связи с этим, в Японии правительство все время продолжало и продолжает вводить и поддерживать самые разнообразные отрасли промышленности; причем, представители японской промышленности, в свою очередь, при всяком затруднительном положении всегда рассчитывают на помощь со стороны правительства.

Если внедрение машины в хозяйственную жизнь Японии сопровождалось необычайным успехом, то и в других странах Восточной Азии можно наблюдать, хотя и в меньшем масштабе в сравнении с Японией, перестройку хозяйственных отношений на основе индустриализации. Новые пути исторического развития Китая, в условиях основных тенденций мирового хозяйства нашей эпохи, знаменуют собою вступление его на путь индустриализации. Наиболее важным памятником, характеризующим в этом отношении новейшие устремления Китая, несомненно является план экономических реформ, намеченных для Китая д-ром Сун Ят-сеном, отцом китайской революции. Основным литературным трудом, в котором Сун Ят-сен начертил свой план экономических реформ, является его „The International Development of China“, New York, 1922 (имеется русский перевод: Сун Ят-сен. Капиталистическое развитие Китая. Москва. 1925).

В этом сочинении Сун Ят-сен выступает с большим проектом индустриализации Китая, развивая грандиозный план переустройства хозяйственной жизни последнего. Проект Сун Ят-сена состоит из шести программ, развиваемых автором последовательно одна за другой. Означенные шесть программ, трактующие вопросы развития железнодорожного транспорта, портового строительства, развития отдельных отраслей промышленности, являются остовом, который дает схему не только для ближайшего, но и для отдаленного будущего в строительстве нового Китая. В целом же, шесть программ Сун Ят-сена—это принципиальная уста-

новка пути к промышленной революции Китая.

Нет ничего удивительного в том, что, вслед за Сун Ят-сеном, виднейшие современные политические деятели, ученые и руководители молодого Китая вполне приветствуют вступление Китая на путь индустриализации. В этом отношении весьма показательным является тот факт, что современный книжный рынок в Китае богат журнальными статьями брошюрами и даже исследованиями (как на китайском языке, так и на иностранных языках, — главным образом на английском), в которых китайские авторы горячо обсуждают всякого рода вопросы, связанные с проблемами индустриализации и механизации тех или иных процессов производства в Китае. В частности, нельзя здесь не отметить тот живой интерес, который проявляется в современном Китае, например, к развитию сети железных дорог, воздушных сообщений, телеграфно-телефонной связи и радио-связи.

В качестве иллюстрации к сказанному, мы приведем здесь некоторые суждения китайского автора новейшей монографии (на английском яз.) о „влиянии внутренних и внешних путей сообщения на экономическое будущее Китая“. „Железнодорожный транспорт, — читаем мы здесь например, — несомненно один из величайших видов промышленного развития; за исключением механизированного земледелия, во всех передовых странах железнодорожный транспорт представляет собою самое важное средство передвижения, и это утверждение приложимо, в частности, и к Китаю“.*) А в другом месте своей книги рассматриваемый нами автор весьма характерно высказывается о значении развития сети радио-станций в Китае.

Автор именно указывает на возможность использования в Китае работы радио-станций для целей на-

*) M i n g — J u C h e n g. The Influence of Communications Internal and External upon the Economic Future of China, London, 1930, p. 88 (см. нашу рецензию на эту книгу в журнале „Вестник Маньжурии“, Харбин, 1931 г., № 1).

родного просвещения. „В Китае,—говорит он,—проблема народного просвещения стоит весьма остро: всякого рода трудности, создаваемые географическими условиями, здесь более значительны, чем в какой-либо другой стране; но современная передача речи по радио может преодолеть препятствия, которые прежде казались непреодолимыми“ (Ming—Ju Cheng. Op. cit., p. 136).

Совершенно очевидно, что пути индустриального развития Японии за последние десятки лет и вступление на путь индустриализации Китая—это такого рода факты, которые характеризуют новые сложные взаимоотношения хозяйственного, политического и международного порядка в бассейне Тихого океана: Тихий океан в нашу эпоху постепенно делается оживленным центром сплетения экономических интересов в мировом масштабе. Не подлежит сомнению, что эра Тихого океана, под знаком которой происходит экономическая и культурная трансформация стран Восточной Азии, знаменует собою новую эру в жизни народов и стран Азии вообще, она означает также новую Австралию, новую Америку.

5.—Это выступление на авансцену мировой истории тихоокеанских стран и народов и создает в умонастроении нашей эпохи тот сложный комплекс вопросов, который известен под именем тихоокеанской проблемы. В свете тихоокеанской проблемы несомненно намечаются новые вехи для путей взаимоотношения Востока и Запада. Дело в том, что современные условия развития мировой экономики повелительно требуют установления новых форм взаимоотношения между народами Востока и Запада, что, естественно, должно повлечь за собою также новые возможности и в области культурного сближения народов Азии, Европы и Америки в бассейне Тихого океана.

Тихоокеанская эра—это новая эпоха в истории человечества; и нет ничего удивительного в том, что человеческая мысль, будучи в течение долгого периода

времени замкнутой в пределах сравнительно небольшого западно-европейского мира, в наше время обращается к необъятным просторам тихоокеанских стран, проявляя в отношении их повышенный интерес: здесь, на Тихом океане, заложены некоторые движущие силы, которые, несомненно, окажут решающее влияние на дальнейшие судьбы европейской культуры вообще и на пути взаимоотношения народов Востока и Запада, в частности.

Тихоокеанская проблема, рассматриваемая в широкой исторической перспективе, дает основания для некоторых заслуживающих внимания сопоставлений. Так, например, указывают, что в нашу эпоху американский Запад (т. е. территории Америки, тяготеющие к Тихому океану) активизирует свои взаимоотношения с Азией, подобно тому как в XV-XVI в. в. американский Восток (т. е. территории Америки, тяготеющие к Атлантическому океану) вступил на путь оживленных торговых сношений со странами Европы. Равным образом, указывают также на то, что наиболее типической чертой нашей эпохи является усиление торговых связей стран Азии со странами Америки и Европы, подобно тому как в XV-XVI в. в. имело место аналогичное же усиление торговых связей между Америкой и Европой.

Правда, все такого рода сопоставления не могут иметь значения логических аргументов, или доводов в пользу того или иного утверждения, или положения. Но, тем не менее, означенные сопоставления все же бросают некоторый свет на перспективы развития экономических, социально-политических и культурных отношений между народами в бассейне Тихого океана в ближайшем будущем. В частности, европейская культура, которая, по существу своему, тесно связана с основами греко-римской цивилизации, по мере включения в сферу своего влияния тихоокеанских стран и народов (особенно народов Азии), естественно, в наш

век техники и индустрии, должна переживать какие-то изменения, какие-то сдвиги.

В самом деле, уже „американизм“, несмотря на его близкое родство с культурой Западной Европы, представляет собою значительные отклонения от общей магистрали исторического движения европейской культуры. Поэтому, процесс „европеизации“ стран и народов Восточной Азии, как процесс сложный, заключающий в себе одновременно также моменты экономического и культурного сближения означенных стран и народов с народами европейской культуры, естественно должен быть чрезвычайно значительным по своим историческим последствиям; и в частности, означенный процесс должен оказать решающее влияние на снятие в сознании народов Европы и Азии традиционного, исконного противопоставления Востока и Запада.

ПРИМЕЧАНИЯ

UNRECORDED

(1).—Так, например, здесь можно отметить тот факт, что на Вашингтонской конференции 1921—22 г. „защита белой расы в глазах американских и английских делегатов представлялась делом более важным, чем все остальное, даже более важным в глазах англичан, чем равновесие, установленное благодаря их союзу с японцами“. *André Duboscq. Le Pacifique et la rencontre des races. Paris. 5-e éd. 1929, p. p. 44-45.* В частности, для английских авторов, пишущих на темы, связанные с тихоокеанской проблемой, обычным является подчеркивание того факта, что Англия и САСШ возглавляют господствующее положение белой расы на Тихом океане. См. например *P. T. Etherton. The Crisis in China. Boston. 1927, p. 256.*

(2).—Здесь можно привести краткое содержание доклада д-ра *Shurman'a*, бывшего американского посланника в Китае, каковой доклад был им прочитан 14 мая 1924 г. в *Rotary Club* в Тяньцзине. Этот доклад носит заглавие: „*The Immigration Problem in the United States* (доклад был полностью напечатан в тяньцзинской американской газете „*North China Star*“ за 16 и 17 мая 1924 г.; по этой газете мы дальше и цитируем означенный доклад д-ра *Shurman'a*; здесь нелишне заметить, что д-р *Shurman* одно время состоял профессором и ректором одного из американских университетов). Д-р *Shurman* считает иммиграционную проблему для САСШ „колоссальной“, „величайшей“ проблемой, так как, в данном случае, дело идет о судьбе американской нации: есть опасность,—говорит он,—„сделать из Америки станцию для этнологических экспериментов“. Иммиграционный вопрос для САСШ,—продолжает далее цитируемый нами автор,—есть „вопрос о сохранении нашего национального единства

(identity), спасении национальной души". По словам д-ра Shurman'a, процесс смешения и ассимиляции разнообразных расовых элементов в Европе и Азии имел место столетия и даже тысячелетия тому назад, так что в настоящее время народы Европы и Азии не имеют представления об этом процессе их исторического образования. Что же касается САСШ, то они только в наше время вступили на этот путь образования единой нации, и именно путем смешения тех представителей разнообразных национальностей, которые вступают на американскую почву в качестве иммигрантов. Поэтому, в настоящее время САСШ ставят своею задачею „путем обдуманного мероприятия регулировать и контролировать великую проблему смешения рас". В связи с этим, САСШ и должны, — по словам д-ра Shurman'a, — „охранять свою собственную национальную душу". Сравн. также André Duboscq. Op. cit., p. p. 32 39, 55-58.

(3).—V. Gordon Childe. The Most Ancient East. Oriental Prelude to European Prehistory. London. 1929, p. 3.—Особенного внимания заслуживает глава X („Europe and the East"). Здесь автор, в частности, устанавливает то положение что претензии Востока на возникновение именно в странах Востока всех первоначальных изобретений не могут быть оспариваемы. „Правильность этого положения, — говорит автор, — подтверждается фактом той основной непрерывности, которая характеризовала мир Востока не менее, чем его древность. И те же самые нити, которые связывали вместе различные центры восточной цивилизации, связывали с ними, как оказывается, также и до-историческую жизнь Европы". V. Gordon Childe. Op. cit., p. 221. По краткому определению акад. Б. А. Тураева, „история древнего Востока—первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству". Б. А. Тураев. Классический Восток. Ленинград. 1924. Том 1, стр. 12 (посмертный труд). Курсив наш.

(4).—В своем предисловии к русскому переводу книги Л. Леви-Брюля акад. Н. Я. Марр капитальное значение основных тенденций означенной книги характеризует следующими словами: „Как знамение времени.—говорит здесь Н. Я. Марр, — чего стоит один тот факт, что философский вопрос о мышлении строится на живом материале т. н. „первобытных“ или „диких“ народностей, по выражению автора — „низших обществ“ (XV стр.).

Такого рода тенденции книги Л. Леви-Брюля, естественно, идут в разрез с традиционными концепциями индо-европейской лингвистики. Достаточно сказать, что в прежнее время, например, целая группа семитических языков, во главе с арабским и еврейским яз., нередко отметалась от культурно-творческой генеалогии народов древности, как нечто инородное, низшее. Так, например, Э. Ренан в своих трудах по семитологии (см. E. Renan. Histoire générale des langues sémitique. Paris. 1885; особенно „Introduction“; De la part des peuples sémitique dans l'histoire de civilisation. 1862.—есть русский перевод; Histoire du peuple d'Israel, I-V. Paris. 1893,—есть русск. перевод) развивал тот взгляд, что философия не могла возникнуть на семитической почве (среди древних евреев и арабов, например): она могла возникнуть только на арийской почве и именно среди греческого народа.

Означенная теория Э. Ренана весьма выразительно характеризует те основные тенденции традиционной лингвистики, которые в наше время полностью преодолены в яфетической теории акад. Н. Я. Марра.

(5).—„Начиная с восьмого столетия, — говорит Э. Мейер,—морская торговля Греции быстро развивается. Это—эпоха колонизации, когда эллины заселяют все побережья Средиземного моря от Кавказа и Крыма до Сицилии и Кампании... Греческий купец проникает даже в древние центры восточной торговли и успешно конкурирует с финикийцами и сирийцами в их собственном отечестве так же, как и в западном море,

где к концу седьмого века фокейцы распространяют свои торговые операции до южной Испании (Тартес) и открывают устья По и Роны". Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира. Русск. перев. Петроград 1932, стр. 27-28.

(6).—В новейшем капитальном и во многих отношениях интересном труде А. Ф. Лосева „Очерки античного символизма и мифологии“ дается подробная характеристика „происхождения античного символизма“ (стр. 8-96). В частности, в отношении античной религии автор считает общепризнанным то положение, что греческая религия и мифология образовались, как стихия художественная по преимуществу. Ясно, — говорит рассматриваемый нами автор, — что „какая-то специфически-телесная сущность должна быть в той религии, которая позволяла аркадским пастухам сечь крапивой своего Пана, в случае плохого заработка, а Гомеру в конце концов сознаться:

Ныне уже не троян и ахейн свирепствует
битва,

Ныне с богами сражаются гордые мужи
Данаи.

Удивительна эта принципиальная телесность греческой религии“. А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. Москва. 1930. Том 1, стр. 68. Курсив автора. Знаменитый египтолог Дж. Г. Брэстед считает, что „самые ранние примеры свободы ума от традиции были представлены в лице египетского фараона Ихнатона и, затем, еврейских пророков. Может быть, — говорит он, — мы могли бы включить сюда также и Зороастра, — но полная умственная свобода впервые была достигнута греками“. J. H. Breasted. Survey of the Ancient World. Boston. 1919, p. 105. Примечание. Курсив наш.

(7)—По авторитетному суждению акад. Б. А. Тураева, „интересоваться движением разработки древневосточной истории, следить за ее движением — долг

всякого историка; к ней не может относиться безразлично и всякий образованный человек как к первому периоду своей истории, тем более что элементы культуры, выработанные в этом периоде, вошли в общий обиход и надолго сделались достоянием всего исторического мира". Б. А. Тураев. *Op. cit.*, 18 стр. А, например, Дж. Г. Брэстед, подводя итоги достижениям древних народов Востока в области всякого рода изобретений, отмечает, что „древний Восток положил начало первой группе изобретений, превзойденных по своему важному значению лишь изобретениями нового времени". J. H. Breasted. *Op. cit.*, p. 104.

(8).—См. вышеуказанный русский перевод „Лекций по истории философии" Гегеля, стр. 108-132. В частности, Гегель здесь определенно устанавливает такого рода точку зрения: „Первою по времени,—говорит он,—является так называемая восточная философия, которая, однако, не войдет в состав нашего изложения; она представляет собою нечто предварительное, о чем мы будем говорить лишь для того, чтобы объяснить, почему мы не излагаем ее более пространно и в каком отношении она находится к мысли, к истинной философии". Гегель. *Op. cit.*, 108 стр. Сравн. также стр. 90—94.

(9).—В статье „Science East and West" один современный китайский автор устанавливает такого рода положение: „Наука есть продукт Запада. Но если мы будем следовать тому взгляду Герберта Спенсера, по которому наука представляет собою не что иное, как лишь только систематизированный здравый смысл, то не следует удивляться, если мы в ранних повествованиях китайской истории найдем собрание материалов, которые могут быть рассматриваемы как начатки науки, как бы они ни были рудиментарны" (H. C. Zen. *Science East and West. Pacific Affairs. June, p. 479. 1931. Honolulu*). В частности, цитируемый нами автор отмечает наличие в древнем Китае наблюдений и зна-

ний метеорологических, астрономических и математических*. В математике, — говорит он, — наш народ подобно древним египтянам уделял большое внимание геометрии, и эта страсть знания была развита у нас в достаточной степени*. Здесь нельзя также не отметить по рассматриваемому вопросу капитального исследования известного немецкого сиолога А. Форке: Alfred Forke. *The World — Conception of the Chinese*. London. 1925. Что же касается философских учений Индии, то на русском языке имеется капитальный труд, освещающий трактование теоретических проблем в этой философии эпохи V—VII в. нашей эры. Это труд акад. Ф. Щербатского, в недавнее время переведенный на немецкий (*Erkenntnistheorie und Logik nach der Lehre der Späteren Buddhisten* Munich 1924) и французский яз. (*La théorie de la connaissance et la logique chez les bouddhistes tardifs*. Paris. 1926). См. Ф. Щербатской. *Теория познания и логика по учению позднейших буддистов*. Часть 1—11. СПб. 1903-1909. Об основной тенденции капитального труда акад. Ф. Щербатского можно судить, например, по следующим словам предисловия, написанного им к французскому переводу своего труда: „Изучить Платона, Аристотеля и Канта Азии, так как дело идет обо всей Азии за исключением арабов, не есть ли задача, достойная внимания ученых“. Th. Stcherbatsky. *La théorie de la connaissance...* Préface, p. X.

(10).—Здесь и в дальнейшем нашем изложении мы останавливаемся, главным образом, на Китае и китайской культуре, когда говорим о Востоке и восточной культуре; это именно потому, что „китайская культура, или совокупность тех культурных элементов, которые создали и определили политический и общественный строй китайского народа, семейную организацию, умственное развитие и духовный кругозор его..., не только с самого начала явилась наиболее совершенной на всем обширном пространстве Восточной Азии, но и служила вплоть до появления здесь евро-

пейской цивилизации общим и почти единственным источником, откуда почерпали жизненное содержание, как сами творцы этой культуры—китайцы, так и все многочисленные соседи их—другие народы Центральной и Восточной Азии: японцы, корейцы, обитатели Маньчжурии, Индо-Китая, наконец, различных областей Центральной Азии, и излюбленным образцом, по которому они строили внешние формы своего существования". Н. В. Кюнер. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Владивосток. 1921, стр. 4. В частности, что касается Японии, то вопросу о культурном влиянии Китая на старую Японию уделяется определенное место в любом изложении истории Японии. См., например, Katsougo Naга. Histoire du Japon. Paris. 1926, р. р. 14-17, 64-89 и др.

(11).—Сравн. Г. И. Якубанис, Античная философия и современность. Киевские Университетские Известия, 1910 г.—Весьма оригинальную попытку сопоставления между новейшими научными теориями и учениями античной физики дает А. Ф. Посев в своем солидном труде под заглавием: „Античный космос и современная наука“. Означенный труд представляет собою анализ и комментирование платоновских диалогов „Тимея“ и „Парменида“ при помощи трудов позднейшего неоплатоника Прокла. Я,—говорит рассматриваемый нами автор о своем труде,—попытался продумать диалектическую сущность основных этапов космогонии „Тимея“ и систематически формулировать в отношении античного космоса „всю насущнейшую связь между диалектикой, математикой, астрономией и музыкой космоса... И я, наконец, предложил обратить внимание на аналогию многих сторон этого космоса с современными нам естественно—научными теориями“. А. Ф. Посев, Античный космос и современная наука. Москва. 1927, стр. 232.

(12).— Вопрос „об азиатском способе производства“ в недавнее время был поставлен и подвергся

разработке в советской востоковедческой литературе См., например, труд Л. И. Мадьяра „Экономика сельского хозяйства Китая“, 1-ое издание, 1928 г. и его же весьма обстоятельное предисловие к труду М. Кокина и Г. Папаяна: „Цзинь-тянь. Аграрный строй древнего Китая“ (1930 г.). Показателем того важного значения, которое придается вопросу об азиатском способе производства в современной советской востоковедческой литературе, служит недавняя организация дискуссии на эту тему в Ленинграде. Означенная дискуссия на тему об азиатском способе производства была организована в феврале 1931 г. в Ленинграде Обществом марксистов—востоковедов и Ленинградским восточным институтом имени Енукидзе. В этой дискуссии приняло участие более десяти лиц, использовавших в своих речах данные касательно различных стран древнего и современного Востока. С материалами упомянутой дискуссии можно ознакомиться по стенографическому отчету, выпущенному под заглавием: „Дискуссия об азиатском способе производства“ (182 стр.—Отчет был выпущен в количестве 10.000 экземпляров).

(13).— Конфуций,—говорит в своих „Принципах жизни Китая“ С. Георгиевский,—не задавался целью трактовать „о трансцендентальных истинах, не доискивался причин конечных, не хотел об'яснять то, что ограниченным человеческим разумом об'яснено быть не может, а должно быть усвояемо верой“. С. Георгиевский, Принципы жизни Китая. СПб. 1888, стр. 308. Курсив наш. Конфуций,—говорит несколько далее С. Георгиевский,—„хотел быть философом этики и политики, хотел быть раз'яснителем тех истин которые в зачаточном виде присущи всякому человеку и которые, будучи известны людям в глубокой древности, затемнились силою обстоятельств в умах современников.“ Ор. cit. 309 стр. В связи с выяснением типических особенностей конфуцианства, здесь нельзя не отметить, что вообще можно говорить о восточно-азиатской культуре, как особом типе культуры. В основном, восточно-

азиатская культура характеризуется тем, что для нее главенствующее значение имеет социальная организация (семья, род, государство), но не личность: для нее „центр тяжести лежит не в отдельных людях, но в семье и в государстве“. J. Witte (проф. Берлинского университета). *Japan zwischen zwei Kulturen*. Leipzig. 1928, S. 49. Такого рода доминирующая тенденция восточно-азиатской культуры стоит в тесной связи как с основными предпосылками конфуцианства и буддизма, занявшими господствующее положение в исторической жизни стран Восточной Азии, так и с характерными особенностями хозяйственного и социально-политического развития означенных стран: здесь достаточно отметить, например, факт многовековой борьбы Китая, страны старинной высокой культуры, с „северными варварами“, с кочевыми и полукочевыми племенами, то и дело беспокоившими Китай с севера. Такого рода борьба, являющаяся доминирующим фактором в истории Китая, очевидно последовательно укрепляла в психике китайского народа значение социальной и политической организованности страны нередко в ущерб интересам отдельной личности.

(14).—Так, например, Ху Ши считает, что в объективных условиях эпохи Конфуция вполне естественно, что проблема реформы общества составила центральную проблему учения Конфуция. Hu Shih. *The Development of of the Logical Method in Ancient China*, p. 22. А немецкий автор двухтомной „Истории китайской философии“ в своем изложении учения Конфуция сравнивает последнего с Сократом: „Лучше всего,—говорит он,—влияние Конфуция можно сравнить с влиянием Сократа, с которым, помимо „иронии“, он имеет также и многие другие общие черты“. E. V. Zenker. *Geschichte der chinesischen Philosophie*. Reichenberg. 1926. Band I, S. 129.

(15).—Обзор мнений по вопросу об отличительных особенностях китайской философии см. E. V. Zenker. *Op. cit.* Band I, S. S. 1—15. Кроме того, здесь

нельзя не отметить, что отдельные небольшие трактаты о характерных особенностях китайской философии стали появляться в Европе еще в эпоху XVI-XVII в. в. К числу такого рода трактатов, написанных, в большинстве случаев, с практической целью (для нужд католических миссионеров, успевших уже в ту эпоху проникнуть в Китай и Японию), следует, например, отнести небольшое сочинение французского философа, одновременно рационалиста и мистика, Н. Мальбранша, изданное им в 1708 году под заглавием: *Entretien d'un philosophe chrétien avec un philosophe chinois* (см. наш перевод этого трактата на русский язык со вступительной статьей: Н. Мальбранш. Беседа христианского философа с философом китайским. Казань. 1914).

(16).— Здесь нельзя не отметить, что попытка некоторых современных историков отказаться от употребления общераспространенного термина „средние века“ нередко приводит их к излишнему субъективизму в построении схемы исторического хода развития европейских народов. Так, например, известный американский историк Д. Г. Робинсон считает возможным устанавливать „средний период европейской истории“ (см. *James Harvey Robinson. The Middle Period of European History. Boston. 1915*). В предисловии к своей книге Д. Г. Робинсон поясняет, что он понимает под „средним периодом европейской истории“. Такого рода деление европейской истории,—говорит он,—„не соответствует тому, что обычно известно под именем средних веков, так как захватывает еще шестнадцатый и семнадцатый века. И тем не менее, имеется ряд убедительных оснований рассматривать эти два столетия, как скорее относящиеся к средним векам, чем к новому времени“. Какие же эти основания? Д. Г. Робинсон считает за такого рода основание, например, тот факт, что не ранее, как только лишь после 1700 г. передовые круги европейского общества окончательно отказались от веры в волшебство, которое нам кажется

заблуждением, свойственным только дикарям. Далее, „условия социальной жизни и пути развития мысли, обусловленные научными открытиями и изобретениями, ростом демократии и мировой торговли, которые являются характерными для наших дней, начинают выявлять себя в большом масштабе только в восемнадцатом столетии“ (Op. cit. Preface). Но приведенные доводы Д. Г. Робинсона отнюдь не являются убедительными. Достаточно сказать, что отдельные „пережитки“ средневековья можно находить не только в XVI, XVII, но и XVIII, XIX в. в.—и даже в наше время.

(17).— Здесь достаточно отметить, что, например, „площадь, которая входила в сферу торговых операций европейских коммерсантов в течение XIV в., была весьма ограниченной, если мы будем сравнивать ее с масштабом торговых поездок голландских и английских коммерсантов в XVII в“. *The Cambridge Modern History*. Cambridge. 1907. Vol. I. Renaissance, p. 494. При этом, даже „во второй половине XV в. торговля между Востоком и Западом почти всецело ограничивалась лишь путями в направлении Египта и Сирии“. Op. cit., p. 502.

(18).— Характеристику этого сложного процесса, начиная с самых ранних ступеней его развития, см. у Д. М. Петрушевского. Очерки из истории средневекового общества и государства. Москва. 1913 (3-е изд.).— Нет ничего удивительного в том, что условия для общего культурного развития в период средних веков оказались более благоприятными для Византии, чем для Западной Европы. Как справедливо отмечает Шарль Сеньобос, в средние века „Византийская империя одна сохраняла обломки культуры древнего мира. На Западе же было все ново; система государственного управления, начала общественной жизни, искусство, язык, право, религия“. *Ch. Seignobos. History of Mediaeval Civilization*. London. 1923, p. 62. Так, достаточно сказать, что Константинополь, в качестве столицы Византии, имел „библиотеки богатые книгами клас-

сической древности. Он имел также школы, где получали свое образование кандидаты для занятия должностей на правительственной службе; подобно мандари нам в Китае, чиновники Византии должны были быть образованными людьми*. Ch. Seignobos. Op.cit., p. 33.

(19).— Здесь достаточно отметить, например, факт преподавания римского права в школах Западной Европы на протяжении средних веков. Можно говорить о «возрождении» римского права в средние века: начало этого „возрождения“ относится ко второй половине XI в., а расцвет к XII в.; это значит, что в XI-XII в. в. римское право сделалось предметом специального, систематического изучения в университетах Италии и Франции. Говоря же вообще, элементарное преподавание римского права и до этой эпохи, повидимому, существовало в школах свободных искусств, особенно в школах, учрежденных церквами и монастырями. Изучение римского права представляло собою дополнение к изучению реторики и к *ars dictaminis*; затем, согласно с общим характером средних веков, изучение римского права рассматривалось, как подготовка к изучению права канонического. Правда, по словам А. Эсмена, „более трудно определить, существовало ли преподавание римского права до XI в., в Италии ли, или во Франции, в определенных школах права, специально посвященных этому преподаванию. Однако издавна в Риме существовала одна школа в этом роде, восходившая еще к эпохе империи, которая сохранилась в непрерывной деятельности и существовала еще во второй половине XI в.“. A. Esmein. Cours élémentaire d'histoire du droit français. 15-ème éd. 1925, p. 724.— По вопросу же о генезисе идеологии христианской теократии зап. европейского средневековья см. М. Рейкнер. История политических учений. Москва. 1929. Том первый, стр. 333-392, а также об'емистый труд Р. Эйкена. История и система средневекового мирозерцания. Русск. перевод. СПб. 1907, особенно стр. 275-388.

(20).—Этот процесс последовательного преобразования Восточной половины Римской империи в империю византийскую представляет собою весьма сложный процесс. По словам акад. Ф. И. Успенского, „византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, т. е. поставить варваров в такое положение, в котором бы они с наибольшей пользой служили целям империи, но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов.“
Ф. И. Успенский. История Византийской империи. 1 т., часть 1, стр. 14-15. Изд. Брокгауз-Ефрон.

(21).—А. А. Васильев. Падение Византии, стр. 109. —Здесь нельзя не отметить, в целях выяснения вопроса о влиянии культуры Византии на эпоху Возрождения, что, в частности, „интерес к античной философии, особенно к Аристотелю, а с XI века и к Платону, не прекращался, можно сказать, в Византии. Михаил Пселл в XI веке, Иоанн Итал в XII, Никифор Влеммид в XIII посвятили часть своего времени изучению философии, первый более в сторону Платона, второй и третий—Аристотеля“ (А. А. Васильев. *Op. cit.*, стр. 118). Наличие древне-эллинических традиций в византийском образовании не подлежит сомнению. Эти традиции, как общее правило, даже давили творческую мысль средневекового византийца. По мнению историков Византии, „несчастье средневекового грека было в том, что его давили классические реминисценции; творчества у него не было, и действительная жизнь заслонена была книжным материалом“. А. А. Васильев. Латинское владычество на Востоке. — Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261). Петроград. 1923, стр. 45.

(22).—Так, например, отмечая весьма важное значение эпохи династии Сун в эволюции китайской философской мысли, Ф. Фарженель приходит к выводу, что „чисто-спекулятивная мысль у китайцев пробудилась весьма поздно; те их школы, которые, действи-

тельно, могут быть названы философскими школами и могут быть сравниваемы с философскими школами древней Греции, возникли лишь пятнадцать веков спустя после эпохи Платона и Аристотеля; отдельные же в этом отношении исключения за означенный период времени не ослабляют высказанного здесь положения". F. Fa g j e n e l. *La Morale Chinoise*, p. 162.

(23).—Здесь нельзя не отметить кратко, что развитие и распространение конфуцианства в Китае имеет свою длинную историю. Достаточно сказать, что конфуцианство, возникшее в VI в. до нашей эры и быстро распространившееся по Китаю, подверглось сильному гонению в царствование знаменитого императора Цинь Ши-хуан-ди, сокрушившего феодальный строй в Китае: по приказу этого императора (приблизительно в 213 г. до нашей эры), были сожжены даже книги, поддерживавшие феодальный строй; это были преимущественно конфуцианские книги. Отсюда, если в начальный период своего распространения конфуцианство успешно конкурировало с другими религиозно-этическими и философскими школами древнего Китая (напр., со школою Лао-цзы, основателя даосизма, со школою Мо-цзы, чрезвычайно интересного социального мыслителя древнего Китая), то в дальнейшем, после эпохи Цинь Ши-хуан-ди, до эпохи Сунской династии конфуцианство, на протяжении свыше тысячи лет, нередко уступало в своем влиянии на народные массы Китая то даосизму, то буддизму, проникшему в Китай в самом начале нашей эры. См. о даосизме интересную работу О. С. Джонсона, рассматривающего религиозную идеологию даосизма в связи с развитием китайской алхимии: Obed Simon Johnson. *A Study of Chinese Alchemy*. Shanghai. 1928 (см. нашу рецензию на этот труд в журнале „Вестник Маньчжурии“. Харбин. 1930 г., № 4).

(24).—Из новейших исследователей китайской философии в особенности японский автор „Краткой исто-

рии древней китайской философии* настойчиво подчеркивает глубоко-практический характер китайских философских учений. „Строго говоря, китайцы не являются,—говорит Д. Т. Сузуки,—народом спекулятивной мысли, подобно грекам или индусам. Их интересы всецело сосредоточиваются в области моральной науки, или точнее—практической этики. Как бы ни были тонки их умозаключения и как бы ни был смел полет их воображения, они все же никогда не упускают из виду практический, или моральный аспект вещей“. D. T. Suzuki. *A Brief History of Early Chinese Philosophy*. London. 1914, p. p. 6-7. Сравнивая китайцев с другими культурными народами древности, Сузуки говорит: „Если религия была представлена евреями, философия—греками, а мистицизм—индусами, то практическая мораль должна быть признана самою характерною особенностью философской мысли, господствовавшей в Среднем Государстве. Самым сокровенным убеждением представителей китайской философской мысли был взгляд, что вселенная есть проявление морального начала, и что всякое бытие имеет своею задачею преподать человечеству моральный урок“. D. T. Suzuki. *Op. cit.*, p. 47. Сравн. также некоторые детали об особенностях китайской философии в работах, уже несколько устаревших для нашего времени: A. Régnat. *Mélanges posthumes d'histoire et de littérature orientales*. Paris. 1843, p. p. 194-205; Н. Зоммер. Об основаниях новой китайской философии. Ученые записки Казанского университета, 1851 г., кн. 1-ая, стр. 118-122.

(25).--Иакинф Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. Пекин. Изд. 1910 г. 1-ая часть, 37 стр.—Вообще главнейшие особенности старой системы китайского образования вполне соответствовали основным тенденциям старой китайской культуры. В самом деле, „старое классическое китайское образование имело в виду,—говорит акад. В. М. Алексеев,—приобщить учащегося к книжной культуре трех, а, может быть, и четырех тысячелетий, дав ему, с одной

стороны, возможность читать с точным пониманием всякий текст всякой эпохи, а с другой—самому писать на точно таком же междувременном языке. Для этой цели все образование обрекалось исключительно на литературную культуру. Учащийся должен был усвоить памятью во всей точности (в смысле орфографии, последовательности и ортодоксальной интерпретации трудных текстов) тринадцать канонических книг конфуцианской школы, ряд антологий как поэтических, так и прозаических, а равно и других произведений китайской литературы, не считающихся в каноне. Усвоение памятью громадного количества текстов ускоряло и дальнейшую начитанность (главным образом в истории), и в общем, получался действительно феномен, для которого писатель IV в. до н. э. являлся настольной книгой, и который в XX веке мог читать и писать в стиле хотя бы того же IV века до н. э." В. М. Алексеев. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Ленинград, 1932 г., стр. 39-40.

(26).—См. по этому вопросу наши статьи, посвященные проблемам женского движения в Китае: „Библиографический очерк новейших трудов и журнальных статей по вопросам женского образования в современном Китае. Вестник Маньчжурии. Харбин. 1927 г. №№ 6 и 7; „К характеристике женского вопроса в современном Китае“. Вестник Маньчжурии. Харбин 1927 г. № 11; „Женщина и труд в современном Китае“. Вестник Маньчжурии. 1928 г. № 2. Что же касается общей установки противоположности принципов ново—европейской культуры, как культуры индивидуалистической по преимуществу, восточно-азиатской культуре, как культуре, усвояющей главенствующее значение социальной организации, то об этом см. некоторые детали у J. Witte. Japan zwischen zwei Kulturen, S. S. 45-82.

(27).—В самом деле, с точки зрения исторических судеб ново-европейских народов, „новая история,—как справедливо отмечает Карльтон Хэйс,—несмотря на

свою краткую длительность представляет собою чрезвычайно важное значение: в сравнительно кратких хронологических пределах ее в человеческой жизни и деятельности произошли более значительные перемены в сравнении с теми переменами, которые могут быть найдены в какую-либо другую, более раннюю и более длительную эпоху мировой истории". Carlton J. H. Hayes. *A Political and Social History of Modern Europe*. New York. 1917. Vol. I, p. XIX („Introduction“). Имея ввиду кратко отметить существенные особенности тех значительных перемен в жизни и деятельности европейского человечества, которые характеризуют „новое время“, Карльтон Хэйс, в дальнейшем, указывает шесть главнейших типических особенностей, характеризующих эпоху нового времени: 1) открытие и изучение всех стран света, 2) более высокие стандарты жизни и деятельности индивидуума, 3) рост политической организованности народов в связи с установлением общественной гарантии личной свободы, 4) замена идеи необходимости для народов единой веры и религии толерантным отношением ко многим религиям и даже к факту отрицания всякой религии, 5) широкое распространение знания и просвещения, 6) вера в прогресс и упадок консерватизма. См. Carlton J. H. Hayes. *Op. cit.* Vol. I., p. p. XIX-XXII.

(28).—Здесь достаточно отметить, что в Европе количество городов в эпоху позднего средневековья было уже довольно значительно, по крайней мере, если иметь ввиду города в широком, юридическом смысле этого слова, т. е. все местности с городским управлением. Так, например, в „Германии в XIII веке было основано около 400 городов, в XIV веке снова около 300, в XV ст. не более 100. Бюхер определяет их число в конце средневековья в 3000, причем город приходится на каждые 2-2 1/2 кв. мили в юго-западной Германии, на 3-4 в средней и северо-западной и на 5-8 в восточной. Он составлял центр для данной местности и вместе с окружающими его селами обра-

зовывал особую цельную в хозяйственном отношении единицу, подобно поместью в раннее средневековье". И. М. Кулишер. Лекции по истории экономического быта Зап. Европы. Часть 1-ая, стр. 121. Петроград. 1922.

(29).—М. Рейснер. *Op. cit.*, стр. 427. Курсив автора. Здесь нельзя кратко не отметить, что в философском отношении трактат „*De monarchia*“ нельзя признать оригинальным. Рассуждения Данте в нем „повсюду близки к силлогистике: он выступает то как юрист, то как богослов, то как схоластик-метафизик“. James Bryce. *The Holy Roman Empire*. London. 1929, p. 276; сравн. также Paul Janet. *Histoire de la science politique*. Paris. 5-ème éd., p. p. 443-445. Все значение трактата Данте—в его борьбе против папской теократии. В данном отношении Данте—прямой предшественник эпохи Возрождения и Реформации. При этом, следует иметь ввиду, что показателем внутреннего разложения идеологии папской теократии, помимо указанного политического трактата Данте, еще, в большей мере, может служить факт развития в средние века крупных еретических движений, которые папству приходилось жестоко подавлять „огнем и мечом“. Это наличие в глубине средних веков еретических движений, захвативших широкие народные массы и нередко сопровождавшихся крестьянскими восстаниями, как против феодальных помещиков, так и против духовных владельцев феодальных земель, не может не служить наглядным доказательством шаткости основ идеологии папской теократии на всем протяжении позднего средневековья. См. интересное, с социологической точки зрения, освещение вопроса о взаимоотношении средневековой католической церкви, с одной стороны, и средневековых еретических движений и сект,—с другой, у Ernst Troeltsch. *Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*. Tübingen. 1923, S. S. 358-426. Равным образом, немалое внимание процессу дифференциации религиозной жизни в средние века уделяет в своем об'емистом труде также

и Л. Карсавин. См. Л. Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков. СПб. 1912. стр. 1-65, 197-216, 353-426 и др.

(30).—The Cambridge Modern History, Vol. 1, p. 213. Довольно подробно характеризует доктрину и школу Макиавелли Поль Жанз: по его словам, Макиавелли „основал современную политическую науку, введя в нее принцип свободного исследования, дух исторического и критического изыскания и метод наблюдения“. Paul Janet. Op. cit, t. 1, p. 540. См. также главу, посвященную Макиавелли в об'емистом американском труде по истории политических учений: W. A. Dunning. A History of Political Theories.—Ancient and Mediaeval. New York. 1923, p. p. 285-325. На русском языке имеется перевод „Князя“ Макиавелли, принадлежащий перу С. Роговина.

(31).—См. Carlton J. H. Hayes. Op. cit. Vol. 1, p. 182. Показателем широты и напряженности новых культурных течений, связанных с эпохой Возрождения, служит наличие, особенно в Италии, целого ряда да вновь образовавшихся обществ и организаций, сделавшихся мощным орудием развития и распространения новой, гуманистической культуры. Среди такого рода обществ особенно большую роль сыграла Платоновская Академия во Флоренции, главном центре гуманистического движения в Италии. Как уже показывает самое название этой академии, в центре ее интересов стояли интересы философского характера. Между тем, аналогичные академии были основаны и в других городах Италии. Так, Римская Академия поставила в центре своих интересов изучение древностей Рима, а Неаполитанская Академия сделалась по преимуществу академией изящной словесности. Вообще же в Италии „в конце XV века почти каждый значительный культурный центр имел свою Академию“. The Cambridge Modern History, Vol. 1, p. 561. Что касается философского значения умственных движений эпохи Возрождения, то анализ последних, в

связи с характеристикой отдельных моментов означенных умственных движений, дает в первом томе своего капитального труда Э. Кассирер. См. E. Cassirer. *Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit*. Berlin. 1922. Band 1, S. S. 73-171. Кроме того, интересные данные приводятся у Леонардо Ольшки. История научной литературы на новых языках. Русск. перев. Москва—Ленинград. 1933, I т. („Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи Возрождения“). Анализ же явлений и событий политической жизни эпохи Возрождения см. у James Вгусе. *Op. cit.*, p. p. 348-366.

(32).—Детальную характеристику социологических основ лютеранства и кальвинизма дает Э. Трельч в цитированном уже нами выше капитальном труде: Ernst Troeltsch. *Op. cit.*, S. S. 427-433. Сравн. также W. A. Dunning. *A History of Political Theories. — From Luther to Montesquieu*. New York, 1923, p. p. 1-37. Как справедливо отмечает В. А. Даннинг, в XVI в. учения Лютера и Кальвина, несмотря „на мирные намерения самих реформаторов, сделались силою обстоятельств решающим фактором в политических судьбах главнейших государств Европы.“ W. A. Dunning. *Op. cit.*, p. p. 45-46.

(33).—Как подметил еще С. Георгиевский, „в Китае нет общеобязательной религии,—всякий может сделаться буддистом, магометанином, христианином, может совершать поклонения в храмах даосских или других каких-либо. Эта веротерпимость обусловливается, главным образом, тем обстоятельством, что правительство китайское, проникнутое духом конфуцианства, не придает существенного значения религиям, относится к ним как к суеверию, считает их безвредными, поскольку они фактически не влияют разрушительно на правильный строй жизни народа. С. Георгиевский. Принципы жизни Китая, стр. 430-431. Правда, можно сказать, что конфуцианство в старом Китае представляло со-

бою государственную религию его, но не потому, что „оно обеспечивало религиозные нужды китайского народа, а потому, что оно обеспечивало религиозную санкцию для государственной системы. В отличие от иудейства, в котором государство было поглощено и почти растворено в религии, в конфуцианстве религия была подчинена интересам государства и была почти растворена в государстве“. John Foster. *Chinese Realities*. London. 1928, p. 27.

(34).—В тесной связи с этой характерной особенностью рационализма стоит та высокая оценка математического знания, которая содержится в трудах представителей рационалистической философии XVII-XVIII в. Здесь достаточно отметить, например, тот факт, что Декарт, родоначальник рационалистической философии, был не только великим философом, произведшим в области философии нового времени целую революцию, но также и великим математиком. При этом, „у Декарта нельзя отделять революцию философскую от революции математической: и секрет этой революции весь целиком содержится в страницах, тщательно завуалированных в третьей книге его „Геометрии“, которые трактуют теорию уравнений. Léon Brunschvicg. *Le progres de la conscience dans la philosophie occidentale*. Paris. 1927, t. I, p. 141. Курсив автора. Сравн. также. E. Cassirer. *Op. cit.* Band I, S. S. 445-449.

(35).—В своем „L'art poétique“ Буало, между прочим, обращается к поэтам со следующими словами, весьма показательными для умонастроения его эпохи:

Aimez donc la raison; que toujours vos écrits

Empruntent d'elle seule et leur lustre et leur prix.

(Итак, любите разум, и путь ваши творения

Всегда заимствуют от него одного и свой блеск и свою ценность).

(36).—Насколько в наше время, под несомненным влиянием об'ективных условий после-военной эпохи, обозначился повышенный интерес к истории колониаль-

ных стран и к колониальной проблеме вообще, можно судить на основе поразительного роста соответствующей литературы на всех европейских языках. Показателем же основных тенденций известной части современной литературы по колониальному вопросу может служить, например, книга английского автора: Constant Southworth. *The French Colonial Venture*. London. 1931. Касаясь целевой установки своего труда, рассматриваемый нами автор, между прочим, говорит: „В настоящем труде нами выбраны для анализа колонии Франции. Нашей целью будет установить, представляет, или нет, с экономической точки зрения, для Франции интерес, на основе опыта прошлого времени и будущих возможностей, удерживать за собой и развивать самой те колонии, которыми она владеет в настоящее время“. Constant Southworth. *Op. cit.*, p. 7. Приэтом, общую тенденцию рассматриваемого труда, весьма богатого целым рядом обстоятельных цифровых данных, можно усматривать из следующих слов автора: „Повидимому, справедливо будет сделать тот вывод, что французские колонии, с экономической точки зрения, представляют собою неприбыльное предприятие для Франции (за исключением островов „St. Pierre“ и „Miquelon“), и что, по всей вероятности, они останутся таковыми в течение многих лет в будущем“. Constant Southworth. *Op. cit.*, p. 131.

(37).—О характере колониальной торговли и колониальной политики главнейших европейских государств в течение XV-XVIII в. в. см. И. М. Купишер. *История экономического быта Западной Европы*, том, 11, стр. 126-145, 164-174; Д. Шефер. *История колоний*. Русск. перев. СПб. 1913, стр. 42-71; Л. Пяшкевич. *Торговый капитализм („Сборник документов и материалов по истории развития общественных форм“)*. Москва. 1927, стр. 38-52. О ранних европейских путешественниках (миссионерах) в страны Восточной Азии, явившихся своего рода „авангардом“ на путях колониаль-

ного развития государств Зап. Европы, см. статьи Н. Г. Соколовского: „Антонио де Андрад в Тибете“. Известия Госуд. Русск. Географ. О-ва. 1926 г., т. 58, вып. 2; „Из истории исследований Центральной Азии.—Путешествие де Азеведо“. Там же. 1928 г., т. 60, вып. 1; „Из истории исследований центральной Азии. — К биографии Антонио де Андрада“. Там же. 1929 г. т. 61, вып. 2.

(38).—Здесь нельзя не отметить того весьма интересного факта из области прошлого Китая, что в эпоху своего расцвета при Танской династии (618-907 г. г.) Китай имел довольно оживленный торговый путь в направлении на Запад через ряд торговых пунктов в Восточном Туркестане: некоторые города Восточного Туркестана в ту эпоху играли большую роль во внешней торговле Китая. Означенные города служили для Китая своего рода торговыми базами в его торговле с Ближним Востоком и Европой. Так как в этих городах жило немало иностранцев (индусы, персы, христиане-несториане и др. иностранцы), то означенные города в ту эпоху играли во внешней торговле Китая приблизительно такую же роль, какую в настоящее время, например,—Шанхай и Тяньцзин. Сравн. *René Grousset. Histoire de L'Extreme-Orient, t. I, p. p. 268-284.*

(39).—Соблюдение иностранными послами церемонии „кэ-тоу“ и должно было означать, с точки зрения китайского придворного этикета того времени, что иностранные послы — участники означенной церемонии являются представителями страны, которая в политическом отношении находится на одном уровне со странами, подвластными Китаю, или зависимыми от Китая. Здесь нельзя также не отметить одного мнения, высказанного новейшим китайским автором большого исследования о неравных договорах Китая—по поводу традиционной политики Китая в отношении торговли с европейскими государствами. Отказ Китая, в течение

продолжительного времени до эпохи Нанкинского договора, вести торговлю с европейскими государствами упомянутый нами китайский автор объясняет тем, что „китайцы не допускали необходимости в том, чтобы иностранцы жили на их территории“. Chang Chung Tao. *Les traités inégaux de la Chine et l'attitude des puissances*. Paris. 1929, p. 7.

(40).—Сущность новой торговой политики, принятой Англией в 20-х годах прошлого столетия, состояла в том, что „Англия открыла свои колонии для кораблей других стран, вызвав этим подражание и со стороны последних,—тем более, что она ставила условием взаимность: страны, желавшие воспользоваться этой льготой, должны были предоставить английскому флагу доступ в свои колонии. Открыты были еще не все гавани, а лишь определенные, указанные законом. В Ост-Индии, напр., такой свободной гаванью, куда был открыт доступ для иностранных судов, был объявлен Сингапур; он был признан порто-франко. Сюда могли входить (беспошлинно) корабли всех наций, и вскоре Сингапур стал той промежуточной гаванью, где останавливались суда, отправлявшиеся на Дальний Восток. Он стал оживленным портом с быстро возрастающим населением, где сталкивались две цивилизации, два мира—европейский и азиатский.“ И. М. Кулишер. *История экономического быта Западной Европы*, том 11, стр. 321.

(41).—Мы не ставим здесь своей задачей подробное изложение событий, связанных с опиной войною: это выходит из рамок настоящей работы. Достаточно лишь отметить, что, по Нанкинскому договору, Китай вынужден был открыть для иностранной торговли, в качестве договорных портов, пять своих портов: Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо, и Шанхай. Кроме того, Китай уступил Англии остров Гонконг, уплатил ей контрибуцию в размере 21 миллиона долларов, согласился на таможенное обложение по раз установлен-

ным, неизменным (минимальным) ставкам и предоставил английским подданным в Китае права экстерриториальности. Нанкинский договор — первый неравный договор в истории Китая. См. текст Нанкинского договора 1842 г. и дополнительного к нему договора от 8 октября 1843 г. у Э. Д. Гримма. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). Москва. 1927, стр. 44-48. Сравн. также нашу библиографическую заметку: Документы по истории внешних сношений Китая (Обзор литературных данных). „Вестник Маньчжурии“. Харбин. 1930 № 8.

(42).—См. подробности у Chang Chung Tao. *Les traités inégaux de la Chine et l'attitude des puissances*. В этой об'емистой книге автор прежде всего излагает (см. р. р. 11—62) историю заключения неравных договоров с Китаем, различая приэтом три периода: 1) 1842-1858 г. г., 2) 1858-1895 г. г., 3) 1895-1915 г. г. А в дальнейшем (см. р. р. 63-112), автор дает анализ отдельных положений, содержащихся в заключенных Китаем неравных договорах: касательно консульской юрисдикции, концессий, сфер влияния и арендованных территорий, прав навигации во внутренних водах Китая и т. д. Приэтом, по мнению автора, в течение первого периода (1842-1858 г. г.) политика европейских держав в Китае может быть еще названа коммерческой и экономической политикой: означенная политика „сделалась политической и территориальной к концу второго периода“ (р. 39).

(43).—Д. Ж. Орчард. *Экономическое развитие Японии*. Русск. перев. Москва. 1933, стр. 127.—Здесь нельзя лишней раз не отметить, что как „открытие“ Китая, так и „открытие“ Японии для иностранной торговли, отнюдь не было добровольным актом ни со стороны Китая, ни со стороны Японии: это „открытие“ произошло благодаря техническому превосходству народов европейской культуры. В частности, в своем на-

стойчивом стремлении добиться от Японии открытия своих портов для иностранной торговли главные европейские государства и САСШ довольно часто прибегали к демонстрации своей военно-морской мощи; это убедило Японию в том, что состояние изоляции для нее в дальнейшем невозможно и что, в силу этого, необходимо порвать связь с своим застывшим прошлым. См. James Murdoch. A History of Japan. Vol. III, p. p. 589-595, 704-705.

(44).—Наряду с фактом технического превосходства народов европейской культуры, на решение Японии порвать с традиционной политикой изоляции несомненно большое влияние оказал также пример исторической судьбы ее ближайших соседей в Азии: Филиппинские острова были во владении Испании в эпоху 50-х г. г. XIX в. уже в продолжение трехсот лет; голландцы всецело управляли Явой с 1830., а частично — с 1705 года; Нанкинский договор 1842 г. положил начало хозяйничанью европейских держав в Китае; одновременно с этим, французы постепенно захватывали территорию Индо-Китая; после подавления восстания сипаев в 1857 г. англичане прочно обосновались в Индии. Правящие круги Японии оказались в достаточной степени проницательными для того, чтобы понять, что их страна может избежать той участи, которая постигла большинство их азиатских соседей, лишь посредством борьбы против стран европейской культуры равным оружием, т. е. при условии полного освоения европейской техники вообще и военной техники, в частности. См. F. Challaue. The Soul of Japan. London. 1933, p. p. 143-144.

(45).—Д. Ж. Орчард. *Op. cit.*, стр. 132. Под именем „реставрации“ в новейшей истории Японии разумеется эпоха великих политических перемен 1867-1868 г. г., имевших своим результатом восстановление императорской власти: в 1867 г. сиегун (приблизительное значение—военный диктатор, узурпатор) Токугава Кэйки—

по японской терминологии— „вернул верховные права“ Киото'скому монарху Муцухито, ставшему императором Японии уже в новом, европейски-современном значении этого термина. См. Н. Конрад. Япония.—Народ и государство, стр. 154. Здесь нельзя не отметить, что японский историк Кацуро Хара, учитывая своеобразие взаимоотношений между сиегуном и императором в предыдущей истории Японии, с одной стороны, и все значение эпохи 1867-1868 г. г. для новейшей истории Японии,—с другой, высказывает предположение, что может быть термин „Ренессанс“ был бы более подходящим для обозначения указанной эпохи, чем термин „Реставрация“. См. Katsuro Hara. Op. cit., p. p. 272-273.

(46).—J. Witte. Japan zwischen zwei Kulturen, S. 38. Равным образом, автор „The Soul of Japan“ отмечает, что „в настоящее время европейская и азиатская цивилизации переплелись в японской душе, создав, при этом, новые чувства и целый ряд затруднений в ее внутренней жизни“. F. Challaye. Op. cit., p. 138.

(47).—И. Серышев. Основы японской системы образования. Вестник Азии. Кн. 51. 148 стр. Харбин. 1923. О фактах распространения радикальных политических учений среди японского студенчества и правительственных мероприятиях, направленных на борьбу с этим явлением, см. E. H. Anstice. Japan's „Dangerous“ Students. Pacific Affairs. August, 1931. Honolulu. Более подробно о фактах аналогичного порядка см. J. Witte. Op. cit., S. S. 101-108, 120-136 и дал.

(48).—Hu Shih. The Conflict of Cultures in China. Целый ряд движений социально-экономического и культурно-бытового порядка характеризует наличие культурного конфликта в современном Китае: сюда следует отнести новейшие умственные течения, движение националистическое, литературное, рабочее, анти-религиозное и т. д. См. наш очерк: Школа и умственные движения в современном Китае, стр. 32-43; о националистическом движении, в частности, см. нашу статью:

Националистическое движение в Китае. „Вестник Маньчжурии“. Харбин. 1929 г., № 6.

(49)—Английские авторы нередко определяют Японию, как „a land of efficiency“. Aylwin Bowen. In New Japan. London. 1932, p. 28. Необычайно крупную роль в развитии торговли и промышленности Японии сыграла европейская война 1914-1918 г. г. См. Ushisaburo Kobayashi. The Basic Industries and social History of Japan 1914-1918, p. p. 135-208; Aylwin Bowen. Op. cit., p. p. 52-57.

(50).—В частности, „многие коммерческие учреждения, которые в других странах естественно возникают в порядке развития торговых дел, в Японии были образованы по инициативе правительства. Так, торговые палаты возникли в порядке специального законодательства; и они продолжают получать от японского правительства финансовую помощь, будучи в то же самое время подчинены органам правительственного контроля“. Herbert Bratter. The Role of Subsidies in Japan's Economic Development. Pacific Affairs. May 1931, p. 378. Honolulu.

一、エム、エヌ、エルミヨフ博士著

東西兩洋ノ今昔

二、哈爾賓南崗大直街九二、ナウカ社發行

三、哈爾賓中國十五道街九號、華豐印刷所

四、昭和拾年四月拾叁日日本帝國總領事館許可

Vertical text column on the right side, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Vertical text column on the right side, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Vertical text column on the right side, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Vertical text column on the right side, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

Vertical text column on the right side, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

